

Воспоминанія Михаила Аѳанасьевича Гунаропуло.

1.

Мои воспоминанія.

Прежде чѣмъ начать говорить о себѣ, считаю нужнымъ объяснить свое происхожденіе; это тѣмъ болѣе является необходимымъ, такъ какъ я ношу греческую фамилію.

Предки мои, по происхожденію греки, жили на островѣ Хіосѣ; изъ рассказовъ отца и документовъ видно, что они происходили изъ духовнаго званія, что изъ нихъ многіе были епископами, архіереями и вообще въ средѣ народонаселенія той мѣстности занимали первенствующее положеніе, что они владѣли помѣстьями и обладали значительнымъ состояніемъ.

Въ 1770 году, во время войны русскихъ съ турками, былъ распространенъ упорный слухъ между греческимъ населеніемъ о томъ, что Императрица Екатерина II, объявляя войну Турціи, имѣетъ въ виду возстановить Византійскую Имперію и вообще позаботиться объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго ига. Такая вѣсть, весьма естественно, магически воздѣйствовала на грековъ, а потому какъ только русская эскадра, подъ начальствомъ графа Орлова, показалась въ Средиземномъ морѣ, то греки, жители разныхъ острововъ, не замедлили возстать противъ своихъ вѣковыхъ угнетателей. Дѣдъ мой Дмитрій съ братьями Аѳанасіемъ и Степаномъ Юрьевичами Гунаропуло имѣвшіе по своему общественному положенію большое вліяніе на народъ, населяющій островъ Хіосъ и на другія мѣстности, безъ особеннаго затрудненія подняли своихъ соотечественниковъ на войну съ турками. Такимъ образомъ, мой дѣдъ съ братьями, устроивъ изъ принадлежащихъ имъ коммерческихъ судовъ бригады, которыми при знаніи морского дѣла и знакомые съ мѣст-

ностью, стоялкой турецкаго флота при Чесмѣ, совершали поджогъ турецкихъ кораблей, чѣмъ весьма естественно содѣйствовало русской эскадрѣ уничтожить турецкій флотъ.

Брандеръ—это судно, наполненное легко воспламеняющимися и взрывчатыми веществами, служившее для поджога непріятельскихъ кораблей: они употреблялись еще въ глубокой древности, но случаи, когда они наносили серьезный вредъ непріятелю, чрезвычайно рѣдки, въ битвѣ же при Чесмѣ дѣйствія брандеровъ были замѣчательно удачны.

Кончилась война, заключенъ 1874 году 21 іюля весьма выгодный для Россіи Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, но въ силу обстоятельствъ, можетъ быть независѣвшихъ отъ русской политики, Греція, а главное греки, которые возстали во время войны противъ турокъ, остались на при чемъ. Исторіи намъ говорятъ, что освобожденіе и возстановленіе Греціи было завѣтной мечтой Екатерины Великой, всѣ лучшіе люди Россіи того времени были такого же настроенія; престарѣлый фельдмаршалъ Мянхъ и знаменитый Потемкинъ были главными совѣтниками Императрицы относительно возстановленія Византійской Имперіи. Съ этой цѣлью второму внуку Императрицы было дано имя Константинъ, котораго прочли на Византійскій престолъ; но такіа желанія оказались лишь мечтой, что же относится до грековъ, то нельзя отвергать, чтобы возстаніе осталось безслѣдно для ихъ идеи возстановленія Греціи, оно имѣло значеніе въ смыслѣ пробы для послѣдующихъ возстаній, увѣнчавшихъ успѣхъ, если не для возстановленія Византійской Имперіи, то для возстановленія Греціи, нынѣ существующей.

Собственно я, потомокъ грековъ, мечтавшихъ возстановить Византію, не могу отнестись равнодушно, какъ русскій патриотъ, къ тому, что такая мечта моихъ предковъ не осуществилась. Не въ интересахъ Россіи было бы возстановленіе Византійской Имперіи. Въ то время для нашихъ русскихъ дипломатовъ самаго насущнаго вопроса, а именно вопроса славянскаго, какъ-бы не существовало, между тѣмъ съ возстановленіемъ Греціи въ предѣлахъ Византійской Имперіи, населяюще Балканскій полуостровъ славяне неминуемо должны бы были попасть подъ владычество грековъ; такой исходъ едва-ли былъ бы полезенъ для Россіи, а главное, Константинопольскій и Дарданельскій проливы, въ рукахъ грековъ, служили бы большаимъ тормозомъ для будущности Россіи, въ смыслѣ коммерческомъ и стратегическомъ.

Историческое призваніе Россіи состоитъ не въ возстановленіи Византійской Имперіи, а въ освобожденіи вообще христіанъ отъ турецкаго ига и образованія изъ нихъ мелкихъ, по національности, государствъ, подъ непосредственнымъ своимъ покровительствомъ, не позволяя и не допуская ни въ какомъ случаѣ вторгаться въ ихъ дѣла западнымъ державамъ, и паче всего Германіи и Австро-Венгріи; всѣми силами стараться поддерживать православіе, составляющее самую важную связь нашу съ населеніемъ Балканскаго полуострова и другихъ мѣстностей, составляющихъ нынѣ Турецкую Имперію. Константинопольскій и Дарданельскій проливы должны составлять наше наслѣдіе послѣ турокъ, все вниманіе и стремленіе Россіи должны быть обращены на эти важнѣйшіе для насъ пункты; только обладая этими пунктами, за Россіей можетъ быть, навсегда, обезпечено ея благосостояніе, могущество и первенствующее положеніе въ Европѣ, и только тогда Европа выйдетъ и освободится изъ настоящаго ненормальнаго положенія и отъ тяготящаго надъ ней милитаризма и только тогда будетъ наслаждаться всеобщимъ и полнѣйшимъ миромъ.

И такъ, послѣ заключенія мира, положеніе возставшихъ грековъ, а главное моего дѣда съ братьями, какъ главныхъ руководителей, сдѣлалось безвыходнымъ. Жертвуя жизнью, состояніемъ и въ концѣ концовъ вмѣсто ожидаемой свободы стать лицомъ къ лицу съ турецкими палачами, несомнѣнно результатъ печальный, а потому ничего болѣе имъ не оставалось, какъ согласиться на предложеніе Русскаго Правительства эмигрировать въ Россію.

Такимъ образомъ, мой дѣдъ Дмитрій съ братьями, Аванасіемъ и Степаномъ, оставляютъ все свое недвижимое и движимое имущество и вообще все свое состояніе, и вмѣстѣ съ возставшими соотечественниками, греками, сходятся на корабль и отправляются въ новую невѣдомую для нихъ страну, при чемъ отъѣжающіе не могли безслѣдно разстаться съ своею приходскою церковью, иконостасъ и всю внутренность церкви взяли съ собой. Прибывъ въ г. Херсонъ, построили церковь, въ которой установили привезенную съ собой святыню; эта церковь до настоящаго времени называется Греческой, привезенный рѣзного орѣха иконостасъ съ иконами существуютъ и понынѣ.

Отправившіеся въ путь эмигранты не избѣгли непріятностей, проходивъ проливы, имъ угрожала опасность попасть въ руки турецкаго правительства, но благодаря алчности турецкихъ чиновниковъ, предки мои спаслись отъ опасности, отдавъ имъ всѣ

деньги, драгоценности, какія съ собой имѣли, а даже всѣ ризы съ иконъ.

Послѣ долгаго странствованія и бѣдствій, эмигранты прибыли въ г. Херсонъ безъ всякихъ средствъ къ существованію; они, какъ я сказала выше, были совершенно ограблены турками. единственная драгоценность, какимъ-то образомъ, осталась у дѣда—фракъ съ золотыми пуговицами, по мѣрѣ надобности онъ отрѣзалъ пуговицы, продавалъ и этии кормилъ свою семью.

По прибытіи эмигрантовъ въ г. Херсонъ старшій изъ братьевъ моего дѣда Аѳанасій отправился въ С.-Петербургъ. Императрица Екатерина приняла его весьма благосклонно, выслушала его докладъ по поводу ихъ эмиграціи въ Россію, оставила его служить при Дворѣ Ея Величества, но чѣмъ именно, не знаю, моему же дѣду и брату его, Степану, пожаловала каждому по двѣнадцати тысячъ десятивъ земли въ Новороссійскомъ краѣ, Степану въ Херсонскомъ уѣздѣ, гдѣ нынѣ существуетъ село Заселье, а дѣду Дмитрію въ Дитровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи.

Къ крайнему нашему семейному сожалѣнію, ни мой дѣдъ, ни братъ его, Степанъ, Всемилостивѣйше подаренной землею не воспользовались; нѣтъ сомнѣнія, что она не предполагала въ то время, какое громадное богатство оставили бы своимъ наследникамъ, а потому мы и не должны ихъ въ этомъ винить, такъ какъ сдѣлано было это въ силу обстоятельствъ, которымъ они невольно вынуждены были подчиниться. Въ то время Новороссійскій край, только-что присоединенный къ Имперіи, представлялъ совершенную пустыню отсутствующимъ населеніемъ, земля не имѣла почти никакой цѣнности, но главная причина заключалась въ томъ, что они не имѣли возможности, въ странѣ совершенно имъ незнакомой, не зная русскаго языка, отпраиваться въ свои имѣнія и чѣмъ-либо заняться, не имѣя никакихъ средствъ и возможности пріискать рабочихъ; моя же бабушка натерпѣвшись не мало ужасовъ отъ турокъ, наотрѣзъ отказалась отъ земли въ Таврической губерніи, выражаясь, что онѣ еле вырвались изъ рукъ турокъ, а отправятся къ татарамъ, которые тѣ же турки,—если не хуже, а потому мой дѣдъ и братъ его Степанъ отказались отъ земли, получивъ вмѣсто нея незначительное денежное вознагражденіе отъ казны, на которое обзавелись небольшими хуторами въ 8-ми верстахъ отъ г. Херсона—на Вережяной балкѣ, которые и понынѣ называются Степановскими.

На этихъ хуторахъ, состоящихъ изъ 300 десятивъ земли, дѣдъ мой съ братомъ Степаномъ развелъ прекрасные фруктовые

сады. Переживъ своихъ братьевъ, Степанъ, котораго еще и видѣлъ, помню его уже совершенно дряхлымъ старикомъ, ходилъ онъ одѣтымъ въ форменномъ военномъ сюртукѣ, имѣлъ чинъ майора, жилъ онъ постоянно въ своемъ хуторѣ. Послѣ смерти дѣда завѣдываніе его хуторомъ перешло къ Степану.

Въ то время, какъ я сказалъ выше, пустынный Новороссійскій край отсутствовалъ мѣстнымъ населеніемъ, въ силу чего вновь поселившіеся владѣльцы земель, для исполненія потребностей сельскаго хозяйства, принимали бѣглыхъ крѣпостныхъ изъ внутреннихъ губерній имперіи. Правительство, сознавая эту необходимость, разрѣшало даже землевладѣльцамъ присягну бѣглымъ къ ихъ имѣніямъ; несомнѣнно, не обходилось безъ того, чтобы многіе бѣгле такой присягой не злоупотребили, а именно: припишется, возьметъ паспортъ и ужъ больше не явится и не вносятъ подушныхъ податей въ казну. Таквихъ субъектовъ мой двоюродный дѣдъ Степанъ присягалъ не малое количество; образовалась громадная сумма недоимокъ казнѣ, подушныхъ податей на его хуторахъ; кончилось тѣмъ, что послѣ смерти его, для пополненія недоимокъ, эти хутора правительствомъ были проданы съ публичнаго торга.

Въ саду хутора двоюроднаго дѣда Степана Юрьевича Гунаропуло похороненъ знаменитый филантропъ Говардъ, который былъ пріятелемъ Степана Юрьевича и жилъ у него на хуторѣ. заболѣлъ же въ деревнѣ Фалѣевкѣ, въ 15-ти верстахъ отъ гор. Херсона, куда его пригласили въ качествѣ врача, оказать медицинскую помощь помѣщицѣ, заболѣвшей чумой, умеръ онъ въ Херсонѣ, на смертномъ одрѣ просилъ похоронить его въ хуторѣ своего пріятеля, Степана Юрьевича Гунаропуло, завѣщательная его просьба исполнена, могила его съ устроеннымъ памятникомъ до настоящаго времени существуетъ; но кромѣ этого, блаженной памяти Говарду воздвигнутъ памятникъ въ г. Херсонѣ, вблизи острога, который онъ нерѣдко посѣщалъ для душевныхъ утѣшеній его обывателей.

Отецъ мой Аванасій Дмитріевичъ Гунаропуло, родился въ 1791 году и, какъ видно изъ его формулярнаго списка, въ 1808 г., 18 января поступилъ въ Кронштадское Артиллерійское училище юнгою, младшимъ унтеръ-офицеромъ 1809 году 23 марта, среднимъ—1810 году марта 5, старшимъ 17 июня 1810 года, юнкеромъ 1810 году 19 августа произведенъ въ констапели 8 февраля 1811 г., въ унтеръ-лейтенанты 1814 года 26 июля, въ лейтенанты 1820 года 26 февраля, въ капитанъ-лейтенанты 27 марта 1829 года, переименованъ въ капитаны 18 февраля 1831 года.

кампаній шестимѣсячныхъ сдѣлалъ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ—семь, въ турецкую войну, будучи командиромъ лодки „Безпокойная“ и завѣдывая на отрядѣ канонерскихъ лодокъ и Іоловъ артиллерією, находился въ сраженіяхъ 1828 года при покореніи крѣпости Варны, во время дѣланія брешь-батарей и приступа на бастионъ и въ 1829 году при взятіи батарей у мѣстечка Чанчане-Скалесса, награжденъ 8 октября 1829 г. орденомъ Св. Анны 3-й ст. съ бантомъ, за хорошее дѣйствіе артиллерія и полученную въ первомъ изъ означенныхъ сраженій контузію въ лѣвую ногу. 12 января 1830 года Св. Владиміра 4-й ст., за отличную усердную службу, 3 декабря 1834 года орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й ст., за безпорочную выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ, 13 декабря 1835 года полугодовымъ окладомъ жалованья за отличную усердную службу; имѣеть медаль за Турецкую войну 1828 года, аттестовался всегда хорошо. Въ 1838 году, согласно прошенію, уволенъ отъ службы за раню подполковникомъ съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья.

Женился отецъ на моей матери, дочери капитанъ-лейтенанта Аѳанасія Рафтопуло, Олимпіадѣ въ 1831 году, которая получила въ приданое, въ Херсонскомъ уѣздѣ, 1.625 десятинъ земли на Веревчиной балкѣ съ 50-ю душами крестьянъ.

По выходѣ въ отставку, покойный отецъ съ семьей своей поселился въ имѣніи, полученномъ матерью моею въ приданое, гдѣ онъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти, послѣдовавшей въ 1855 году, гдѣ и похороненъ, матушка же послѣдніе годы своей жизни прожила въ Херсонѣ.

Родился я въ г. Николаевѣ въ 1835 году 18 октября, третьимъ, до меня род. Дмитрій, умершій груднымъ ребенкомъ, послѣ него родилась сестра Варвара. Семья наша была большая; не стану вспоминать о умершихъ еще маленькими дѣтьми, насъ же взрослыхъ было шесть: сестра Варвара, и Спиридонъ, Аѳанасій, Егоръ и Николай. Вся наша семья жила постоянно безвыѣздно въ деревнѣ, отецъ былъ хорошей хозяйнѣ, занимался ретиво сельскимъ хозяйствомъ и страстный былъ охотникъ до садоводства, эту отрасль хозяйства онъ превосходно зналъ и, несмотря на то, что онъ развелъ превосходный фруктовый садъ, пространствомъ болѣе 12-ти десятинъ, садовника не держалъ, посадка деревьевъ, калировка, щепка и подчистка деревьевъ всегда происходила подъ его личнымъ наблюденіемъ.

Имѣніе моей матери, какъ я сказалъ выше, состояло изъ 1.625 десятинъ земли и 50-ти душъ крѣпостныхъ, полученныхъ

моей матушкой въ приданое, помѣстье это, названнае „Варваровкой“, вновь устроенной усадьбой, лежало на Веревчиной балкѣ, въ которой былъ огромный прудъ, довольно широкій, длиною болѣе 7-ми верстъ; возлѣ пруда на удобной, инаменной, вдавшейся къ пруду полукругомъ мѣстности, покойный отецъ развелъ великолѣпный фруктовый садъ, берега пруда были обросшіе вербой, осокоремъ и другими лѣсными деревьями такъ, что для нашей мѣстности, скудной древесной растительностью, мѣстоположеніе нашей усадьбы было довольно красиво, отстояла она отъ г. Херсона въ 35 верстахъ.

Помню себя съ шести лѣтъ, однимъ словомъ, почти съ того времени, когда началъ учиться грамотѣ. Какъ-то отецъ, прѣхавъ изъ Херсона, подозвалъ меня къ себѣ и говоритъ тебѣ, Миша, пора начинать учиться, вотъ я привезъ тебѣ азбуку; не помню, что я ему отвѣтилъ, но только на другой день посадилъ меня отецъ къ себѣ на колѣни и началъ и зубрить: а, б, в, такимъ образомъ, то отецъ, то матушка учили меня и сестру Варю читать и писать, не помню, на сколько мы успѣвали въ этомъ ученіи, но когда пришло время учиться второму моему брату Спиридону, то въ одно прекрасное время отецъ привезъ изъ Херсона учителя, какого-то молодого человѣка, звали его Яковомъ Петровичемъ, фамиліи его не помню; съ этого времени я, сестра Варя и братъ Спиридонъ ежедневно, регулярно начали серьезно учиться.

Первый нашъ учитель пробылъ у насъ около трехъ лѣтъ; затѣмъ онъ поступилъ на коронную службу въ Херсонъ, мы, дѣти очень были этимъ довольны, такъ какъ его не любилъ; замѣнилъ его нѣкто Александръ Александровичъ фонъ-Фрезе, уроженецъ Остзейскихъ провинцій, весьма образованный человѣкъ, служилъ онъ въ какомъ-то гвардейскомъ полку, въ Петербургѣ, и вслѣдствіе какой-то непріятной исторіи принужденъ былъ выйти въ отставку; какимъ образомъ попалъ онъ въ Николаевъ, не могу объяснить, только помню, что его привезли изъ Николаева, было это въ 1845 году. Съ этого времени, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, начали мы изучать французскій и нѣмецкій языки, нашъ гувернеръ говорилъ съ нами одинъ день по-французски, а другой—по-нѣмецки. Порядокъ занятій гувернеромъ былъ установленъ слѣдующій: вставала въ 6-ть часовъ утра, гуляли большую часть времени въ саду и въ полѣ до половины 8-го часа, затѣмъ пили чай, въ 8 часовъ начали учиться до половины 12-го, въ 12 обѣдали, послѣ обѣда гуляли, въ 2 часа собиравсь въ классъ я занимался до пяти часовъ, въ 6-ть пили чай или молоко и

въ 9-ть часовъ ложились спать. Гувернеръ нашъ, блаженной памяти, Александръ Александровичъ, какъ я сказалъ выше, былъ образованный, благовоспитанный и гуманный человѣкъ, обращался съ нами всегда ласково и весьма деликатно, допускалъ съ нами гулять и играть крестьянскихъ дѣтей, впушалъ намъ относительно крѣпостныхъ самыя гуманныя идеи, такъ что мы нисколько не шокировались обществомъ крестьянскихъ дѣтей и выѣли между ними не мало друзей. Такія усвоенныя мною идеи много способствовали мнѣ впоследствии на поприщѣ моей общественной, при реформѣ крестьянскихъ учрежденій, какъ бывшему мировому посреднику 1-го призыва.

Къ крайнему нашему сожалѣнію, нашъ гувернеръ имѣлъ несчастную слабость, или, лучше сказать, пагубную страсть, пить запоемъ, случалось это съ нимъ два или три раза въ годъ и продолжалось нѣсколько дней; пробылъ онъ у насъ четыре года, послѣдній годъ онъ сталъ запивать чаще, такъ что отецъ вынужденъ былъ его уволить.

Уволеннаго фонъ-Фрезе замѣнилъ отставной штурманскій офицеръ, нѣкто Пчельниковъ; этотъ наставникъ былъ математикъ, иностранные языки зналъ плохо, такъ что практика и изученіе иностранныхъ языковъ прекратились, взамѣнъ чего занялись болѣе серьезно остальными предметами, а въ особенности математикой, такъ какъ отецъ подготовлялъ насъ къ поступленію во флотъ, при чемъ покойный отецъ говорилъ намъ: „знайте дѣти, что ариѳметика есть душа математики, какъ тѣло безъ души мертво, такъ математика безъ ариѳметики есть ничто“.

Въ нашъ классъ постепенно входили младшіе братья: Аванасій и Егоръ, послѣдній, Николай, по малолѣтству при мнѣ еще не начиналъ учиться.

Въ свободное время отъ занятій, а если такового не было, по очереди отрывая отъ классныхъ занятій, отецъ бралъ насъ съ собою при походахъ и поѣздкахъ своихъ по сельскому хозяйству, поучалъ онъ насъ по всемъ отраслямъ хозяйства, такъ что мы, а въ особенности я, какъ старшій, практически былъ знакомъ со всеми отраслями хозяйства. Помню, какъ покойный отецъ толково съ увлеченіемъ объяснялъ намъ каждую отрасль хозяйства: говорилъ ли о скотоводствѣ, овцеводствѣ, коноводствѣ, хлѣбопашествѣ и садоводствѣ—во всемъ онъ на дѣлѣ и воочію показывалъ результаты своихъ трудовъ, которые были настолько хороши и увлекательны, что мы невольно получали не только ко всему объясняемому охоту, но даже страсть. Въ свободное время отъ классныхъ занятій, для насъ лучшаго не

было удовольствія, какъ бѣгать всюду, гдѣ происходятъ работы, меня же въ особенности занимало и увлекало садоводство, такъ что, смѣло могу сказать, что я по садоводству прошелъ полный курсъ.

Покойный отецъ, еще до 19-ти лѣтняго моего возраста хлопоталъ о принятіи меня и братьевъ Спиридона и Аванасія въ корпусъ на казенный счетъ, но не знаю, по какой причинѣ не удалось ему опредѣлить насъ первыхъ трехъ, были же приняты послѣдніе два брата, Егоръ и Николай, которые и были отвезены въ Воронежскій и Тамбовскій корпуса.

Такимъ образомъ, въ ожиданіи пріема въ корпусъ, протекло время до достиженія мною шестнадцатилѣтняго возраста, то есть, такой возрастъ для дворянина, при которомъ по убѣжденіямъ того времени было необходимо поступить на службу, и на службу непременно военную, что считалось чуть ли не самой священной обязанностью, но, независимо этого, побужденію и желанію поступить именно въ военную службу предшествовало мое воспитаніе.

Еще съ ранняго дѣтства у насъ были заведены отцомъ порядокъ по вечерамъ собирать насъ вокругъ себя и вести съ нами бесѣды. Помню хорошо эти прекрасныя и увлекательныя для насъ бесѣды: посреди комнаты стоитъ круглый столъ, на столѣ свѣчи, сидитъ за столомъ отецъ, сбоку матушка, съ другой стороны гувернеръ, а вокругъ стола мы, дѣтвора. Прежде всего каждый изъ насъ, дѣтей, старался похвастать родителямъ, что онъ дѣлалъ по хозяйству, выслушивали дѣланныя отцомъ по этому поводу замѣчанія. Затѣмъ отецъ и гувернеръ начали говорить замѣчательные почему-либо эпизоды изъ исторіи Россіи, Греціи и другихъ государствъ, много говорили о подвигахъ русскихъ войскъ, о русскихъ и греческихъ герояхъ, о 12-мъ годѣ, о войнахъ съ турками и главное о турецкомъ игѣ, тяготящемъ надъ Балканскими христіанами, такія бесѣды возбуждали въ насъ восторженный патріотизмъ. Такое настроеніе о военныхъ подвигахъ, объ отношеніяхъ турокъ къ христіанамъ до того вкоренилось въ нашихъ мысляхъ, что мы кромѣ военной службы ни объ какой другой службѣ не мечтали. Насколько такія бесѣды производили на насъ впечатлѣнія, можетъ служить то обстоятельство, что когда, въ 1848 году, наши войска сражались съ венграми, то я, 13-ти лѣтній мальчакъ, со слезами просилъ отца опредѣлить меня въ дѣйствующую армію.

II.

Итакъ, достигнувъ 16-ти лѣтняго возраста, я настоятельно просилъ отца опредѣлить меня въ военную службу; мнѣ нѣчто было невыносимо оставаться дома, мнѣ казалось, что я ничего не имѣю опредѣленнаго, мнѣ казалось, что, поступивъ на службу, я буду хотя что-нибудь значить въ своемъ, горячо любимомъ, отечествѣ. Послѣ семейнаго совѣта рѣшено было опредѣлять меня въ Нассаусскій уланскій полкъ. Назначенъ былъ день выѣзда, было это въ 1851 году лѣтомъ, въ какомъ мѣсяцѣ, — не помню.

Грустно было мнѣ разставаться съ горячо любимыми родителями, сестрой и братьями; наканунѣ отъѣзда, обходялъ я всѣ мѣста, аллеи и бесѣдки въ саду, гдѣ съ такимъ удовольствіемъ беззаботно провелъ свое дѣтство, каждый кустикъ, каждое дерево для меня были дороги, со всѣмъ этимъ я прощался, причемъ невольно наворачивались слезы; такое настроеніе наводило на разныя грустныя размышленія, но непреодолимое желаніе поступить на службу до того было сильно, что я съ нетерпѣніемъ ждалъ дня отъѣзда.

Передъ выѣздомъ собралась вся семья; усѣлась, поднялись, помолились, и началось прощаніе. Благословила меня дорогая матушка, податила къ крыльцу коляска четверней, попрощался я со всѣми дворовыми людьми, съ домашней прислугой, сѣлъ съ отцомъ въ коляску, и отправились въ мѣстечко Федоровку, оно же Новая-Одесса, отстоящую отъ нашего имѣнія въ 120 верстахъ; это мѣстечко въ то время принадлежало военному поселенію, гдѣ находился штабъ Нассаускаго уланскаго полка.

На другой день прибыли въ Новую-Одессу и немедленно отправились къ командиру полка, полковнику Карабчевскому, гдѣ въ пріемной комнатѣ застали нѣсколько офицеровъ. Отрекомендовавшись, отецъ заявилъ полковнику просьбу о принятіи меня въ полкъ; Карабчевскій отвѣтилъ, что у него въ полку много юнкеровъ, а потому онъ стѣсняется болѣе принимать; затѣмъ спросилъ отца, какое онъ имѣетъ состояніе; отецъ отвѣтилъ, что слѣдующія деньги въ реверсъ онъ внесетъ, состоянія же лично кромѣ выслуженной за 35 лѣтъ пенсіи онъ не имѣетъ; имѣетъ же незначительное состояніе, имѣніе его жены, въ котѣромъ онъ проживаетъ. На это полковникъ Карабчевскій сказалъ, что онъ принялъ за правило принимать въ полкъ юнкеровъ лишь лицъ состоятельныхъ; такой отвѣтъ возмутилъ отца; обра-

тившись къ находившимся въ комнатѣ офицерамъ, онъ сказалъ: „вотъ, господа, какія идеи проповѣдуетъ г-нъ полковникъ, онъ цѣнитъ въ людяхъ не службу Государю и Отечеству, а умѣніе нажить состояніе“; затѣмъ, обратившись къ полковнику, сказалъ: „такія убѣжденія, г. полковникъ, мой сынъ слышитъ впервые, а потому здѣсь ему не мѣсто“, поклонился и вышелъ. На заявленіе отца Карабчевскій ни слова не сказалъ, на поклонъ отца отвѣтилъ поклономъ, и этимъ наше представленіе окончилось. Впоследствии служба ужъ въ Бугскомъ уланскомъ полку, присутствующіе при этой сценѣ офицеры мнѣ говорили: что грозный видъ отца съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ и его слова произвели такое впечатлѣніе на Карабчевскаго, что онъ въ ту минуту не нашелся что-либо отвѣтить, присутствующіе же офицеры вполне симпатизировала отцу. Дѣйствительно, высказанный взглядъ Карабчевскаго былъ для меня чѣмъ-то новымъ и въ то же время непонятнымъ, а для отца возмутительнымъ, такъ какъ онъ намъ ничего подобнаго не проповѣдывалъ; одно всегда онъ намъ твердилъ, какъ ужъ я объяснялъ выше: любовь къ Монарху и Отечеству, для чего не жалѣть жизни, а въ разговорахъ съ знакомыми и родными о будущности нашей онъ иначе не относился, какъ говоря „а, что сыновья, они солдаты и имъ пуля въ лобъ“; съ такимъ убѣжденіемъ мы росли и ни о какомъ матеріализмѣ никогда не разсуждали.

Послѣ этой неудачи, отправились мы въ штабъ Бугскаго уланскаго полка въ мѣстечко Новый-Бугъ. По пріѣздѣ отправились къ командиру полка, полковнику Гастферу. Дорогой отецъ мнѣ говоритъ: „ну, Миша, если здѣсь будетъ неудача, то отвезу тебя въ Николаевъ и опредѣлю въ Гардемариинскую роту во флотъ“. Надобно сказать, что съ дѣтства я имѣлъ большую страсть къ верховой ѣздѣ, а потому не разбирая въ то время, по своей молодости, о выгодности той или другой службы, имѣлъ желаніе поступить именно въ кавалерію, а потому очень боялся неблагоприятнаго результата у командира полка Гастфера, но, какъ оказалось, опасенія мои были напрасны: полковникъ Гастферъ принялъ отца весьма радушно, на меня же произвелъ самое благоприятное впечатлѣніе; его прекрасное, открытое и симпатичное лицо дышало такимъ благородствомъ, такой добротой, что при первомъ же свиданіи онъ внушилъ къ себѣ расположеніе и уваженіе. Сравнивая его съ Карабчевскимъ, я очень обрадовался, что судьба меня привела служить подъ командой человѣка, къ которому сразу почувствовалъ расположеніе, которое не забывалось и впоследствии.

Итакъ, послѣ нѣсколькихъ словъ судьба моя была рѣшена согласіемъ Гастфера принять меня въ полкъ. Отъ Гастфера мы отправились къ полковому адъютанту, поручику Любецкому, которому отецъ вручилъ мои документы; послѣ весьма любезнаго пріема насъ Любецкимъ, онъ сообщалъ отцу, что увѣдомить его о времени явки моей въ полкъ для окончательнаго пріема, затѣмъ мы отправились домой.

Еще за годъ до поступленія моего на службу отецъ купилъ домъ въ г. Херсонѣ; къ половинѣ октября семья наша переѣхала въ Херсонъ. Съ нетерпѣніемъ я ожидалъ извѣщенія отъ полка, наконецъ, въ ноябрѣ отецъ получилъ письмо отъ полкового адъютанта, въ которомъ онъ увѣдомлялъ о срокѣ, въ который я обязанъ былъ явиться.

Сборы мои были не долгіе, такъ какъ въ ожиданія моего отъѣзда заблаговременно все было готово; вручилъ мнѣ отецъ деньги, для вклада въ полковой денежный ящикъ положенные 500 рублей, далъ мнѣ повозку, пару лошадей, кучера и 50 рублей на расходы.

Такимъ образомъ изъ имѣнія я отправился въ м-ко Новый-Бугъ; какъ теперь помню свое путешествіе, которое на первыхъ порахъ было не совсѣмъ удачно: данная мнѣ лошадь не совсѣмъ была бойкая, къ тому же грязная дорога до того была тяжела, что мы въ первый день еле доѣхали до селенія Явкино, отстоящаго въ 35 верстахъ отъ нашего имѣнія; пристяжная лошадь совершенно пристала и далѣе на ней совершать путешествіе было невыносимо; а потому на другой день выѣхала, оставлявъ повозку съ багажомъ и коренной лошадью съ кучеромъ въ Явкинѣ, сѣлъ верхомъ на приставшую пристяжную лошадь, препроводилъ ее въ имѣніе, взялъ лучшую и отправился далѣе.

По пріѣздѣ въ Штабъ полка, въ мѣстечкѣ Новый-Бугъ, явился полковому командиру, затѣмъ полковому адъютанту; дали мнѣ пакетъ съ моими документами, съ которыми я отправился являться къ бригадному командиру генералу Комару въ мѣстечко Федоровку, оно же Новая-Одесса, дивизионному командиру генералу Фишбаху въ г. Вознесенскѣ и корпусному командиру въ г. Елисаветградѣ.

Въ Новомъ-Бугѣ я познакомился съ вновь опредѣляющимся въ полкъ нѣкимъ Ломаковскимъ, сыномъ помѣщика Екатеринославской губерніи, съ которымъ мы вмѣстѣ на моей повозкѣ отправились по всѣмъ мытарствамъ. Новый мой товарищъ Ломаковскій кончалъ курсъ въ Одесскомъ Лицеѣ и какъ старшій меня дѣлами несомнѣнно былъ практичнѣе и опытнѣе меня, а

потому я былъ очень доволенъ его компаніей. Послѣ явки бригадному командиру, отправились мы въ Вознесенскъ къ начальнику дивизіи, а оттуда въ г. Елисаветградъ къ корпусному командиру.

Всѣми означеннымъ командирамъ мы явились, и всѣ они послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ давали намъ разныя наставленія, на что мы отвѣчали: „покорнѣйше благодаримъ и слушаемъ“, предостерегали насъ отъ такихъ проступковъ, о которыхъ я, проживъ до 16-ти лѣтняго возраста въ кругу родной семьи, никогда не имѣлъ понятія, да и вообще мое воспитаніе сопровождалось въ строгой дисциплинѣ и въ строгихъ нравственныхъ началахъ, я не боялся своего отца, а настолько его любилъ и глубоко уважалъ, что всѣ его приказанія и совѣты считалъ для себя закономъ.

И такъ, послѣ всѣхъ нашихъ страствованій, выдержавъ при корпусномъ штабѣ установленный экзаменъ (каковой Ламаковский, какъ кончившій курсъ въ Лицеѣ, не держалъ), мы возвратились въ Новый-Бугъ, гдѣ насъ зачисляли на дѣйствительную службу въ Бугскій уланскій полкъ.

По пріѣздѣ въ Новый-Бугъ я сейчасъ же заказалъ для себя обмундировку, облачился въ военную форму, привителъ шпоры, и не удивляйтесь, благосклонный читатель, тому, что меня, 16-ти лѣтняго юношу, все это занимало отъ юнкерскаго мундира до звука шпоръ, но болѣе всего меня занимало и внушало себѣ самосознаніе своего достоинства, что и дескать не какой-нибудь недоросль изъ дворянъ, а членъ великой, могучей Россійской арміи. Съ такимъ пріятнымъ настроеніемъ я отправился знакомиться съ офицерами и юнкерами, находившимися въ штабѣ полка, бывалъ у нѣкоторыхъ на вечеринкахъ; бывали также въ Новомъ-Бугѣ танцевальныя вечера, въ которыхъ участвовалъ какъ любитель танцевъ.

Такимъ образомъ провелъ я время въ Новомъ-Бугѣ до рождественскихъ праздниковъ, на которые, взявши отпускъ, отправился домой.

Не могу вполне выразить того возбужденно-пріятно-душевного настроенія, съ какимъ я возвращался домой.

Въ то блаженное время, еще не успѣвши испытать въ своей жизни никакихъ непріятностей, не зная никакихъ заботъ, наслаждаясь лишь любовью близкихъ сердцу родныхъ, которыхъ я стремился покорѣе обнять послѣ хотя кратковременной, но зато первой разлуки. Боже! Какимъ мнѣ показался долгимъ 88-ти верстный путь изъ Нового-Буга въ наше имѣніе, въ кото-

ромъ никого изъ семьи я не засталъ, всѣ ужъ выѣхали въ Херсонъ. Съ большимъ восторгомъ встрѣтили меня дворовые люди; бывшая моя няня, увидѣвъ меня въ юнкерской формѣ, заплакала. на вопросъ мой, чего она плачетъ?— „Да какъ же паничу отвѣчаетъ, мы сподивались побачить васъ офицеромъ, а вы тильки москаль“, не могъ я не улыбнуться и не расцѣловать бывшую свою няню,—при этомъ объяснилъ имъ: что сразу нельзя быть офицеромъ, а вотъ, Богъ дастъ, черезъ два года прѣйду къ намъ офицеромъ. Вспоминая въ настоящее время о такихъ случаяхъ, невольно струстнётся, не о тѣхъ, разумѣется, правахъ, какія имѣли помѣщики надъ своими крестьянами, а о той привязанности, о той духовной связи, каковыя большей частью существовали между крестьянами и ихъ господами. Все это осталось лишь преданіемъ, ужъ, разумѣется, какіе-нибудь Разуваевы, Колупаевы, Гершки и Ицки, замѣнившіе нѣкоторыхъ помѣщиковъ, завладѣвшихъ ихъ имѣніями и поставившихъ за правило выжимать изъ имѣнія все, что только возможно, не могли восстановить прежнихъ тѣхъ патріархальныхъ отношеній съ крестьянами, какія существовали съ ихъ бывшими господами.

На другой день рано утромъ, я отправился изъ имѣнія въ Херсонъ. Трудно описать тотъ восторгъ и ту радость, съ какими меня встрѣтили родные, такія минуты въ жизни бываютъ рѣдки. Спустя немного времени, я пришелъ къ отцу въ его кабинетъ и представилъ ему отчетъ въ данныхъ мнѣ на расходы по повѣдкамъ, 50-ти рублехъ. Зная его аккуратность, у меня было все записано до послѣдней копѣйки, при этомъ, помню оставшуюся сдачу 1 руб. 70 коп.—отецъ подарилъ мнѣ; итакъ, за 48 руб. 30 коп. я проѣзжалъ мѣсяцъ, продовольствовалъ себя, купилъ пару лошадей и еще сшилъ себѣ юнкерскую форму; разумѣется, всему этому способствовала дешевизна, какаѣ въ то время существовала. Рождественскіе праздники въ кругу семьи провелъ я очень весело; сестра Варенька начала выѣзжать, и мнѣ по праву юнкера разрѣшалось бывать на балахъ и вечерахъ. Въ то время въ Херсонъ на зиму съѣзжались сосѣдніе помѣщики, въ числѣ коихъ было у насъ много родственниковъ, всѣ дни въ недѣлѣ были разобраны, и веселились на славу; чиновный людъ не отставалъ въ этомъ случаѣ отъ помѣщиковъ, а потому составлялось большое общество во главѣ губернатора и губернскаго предводителя дворянства; баламъ, вечерамъ, любительскимъ спектаклямъ и пикникамъ не было конца. Херсонъ становился шумнымъ городомъ, экипажи съ лакеями въ ливреяхъ безпрестанно сновали по улицамъ города. Начего подобнаго въ

настоящее время въ г. Херсонѣ нѣтъ; никакого коренного общества, за исключеніемъ двухъ-трехъ домовъ, нѣтъ.

Выше я сказалъ, что младшіе братья были приняты на казенный счетъ въ корпусъ, второй же братъ Спиридонъ и третій Анастасій отданы были въ пансіонъ въ Николаевѣ для приготовленія къ опредѣленію въ Гардемаринскую роту, для поступленія во флотъ; такимъ образомъ наша большая семья разбрелась по разнымъ мѣстамъ.

Срокъ моего отпуска приближался, наканунѣ выѣзда отецъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и объявилъ, что назначаетъ мнѣ по пяти рублей въ мѣсяць. Когда мы въ 1853 году выступили въ походъ, то эта сумма была удвоена; разумѣется, такая сумма была недостаточна, и одинъ Богъ знаетъ, какъ я обходился, но тѣмъ не менѣе я не рѣшался что-либо сказать объ этомъ не только отцу, но даже добрейшей матушкѣ.

По пріѣздѣ въ полкъ, въ началѣ января 1852 года, явился по начальству, назначили меня въ 4-й фланкерный дивизионъ, 8-й эскадронъ, командиромъ котораго былъ ротмистръ Рузи. Эскадронъ былъ расположенъ въ селеніи Казанкѣ. Прибывъ въ эскадронъ; явился командиру, принялъ онъ меня весьма радушно, просилъ приходить обѣдать; квартиру мнѣ отвели у поселника-старовѣра, каковыми была населена чуть ли не вся Казанка; въ этой квартирѣ я имѣлъ отдѣльную отъ хозяевъ комнату; и вотъ съ этого времени я началъ вести самостоятельную жизнь.

Прежде всего я позаботился кое-какъ убрать свою комнату, разумѣется, объ какой-либо мебели не могло быть никакой рѣчи, исключая простого стола и скамейки; кровать моя состояла изъ нѣсколькихъ досокъ, на которыя положена была солома, сверхъ соломы коверъ, а затѣмъ постельное бѣлье съ подушкой; на столъ выложилъ свои книги, которыхъ взялъ изъ дому сколько было возможно, преимущественно учебныя и канцелярскія принадлежности, вѣтъмъ вся уборка комнаты закончилась; затѣмъ отіравился къ хозяину условиться относительно продовольствія, самоваръ у меня былъ свой, а также сахаръ и чай; необходимо было устроиться на счетъ обѣда и хлѣба къ чаю. Хозяинъ мой оказался хорошимъ человѣкомъ, сперва не соглашался брать съ меня какой-либо платы за обѣдъ, такъ какъ нижніе чины по положенію въ военныхъ поселеніяхъ продовольствовались на квартирахъ отъ хозяевъ, но послѣ моего настоянія онъ согласился брать съ меня за обѣдъ по три рубля въ мѣсяць; разумѣется, хозяева для меня отдѣльно не готовили, а давали мнѣ то, что готовилось для нихъ самихъ. Такіе обѣды

состояли изъ борща, каши, иногда варениковъ, плацидъ, пампушекъ съ чеснокомъ, галушекъ и варениковъ съ капустой, а въ большіе праздники давалось мясо, баранина и куряца; можетъ быть такіе обѣды, въ смыслѣ гастрономическомъ, и не выдерживали критики, но для меня были вкусны; въ настоящее время нѣтъ возможность держать хорошаго повара, я съ удовольствіемъ заказываю нѣкоторыя изъ означенныхъ блюдъ.

Приглашеніемъ эскадроннаго командира пользовался рѣдко, во-первыхъ, квартира моя была отъ его квартиры очень далеко, а во-вторыхъ, я былъ очень застѣнчивъ, а потому стѣснялся частымъ посѣщеніемъ, другихъ же офицеровъ при эскадронѣ не было, всѣ они были гдѣ-то въ командировкахъ, юнкеровъ, кромѣ меня, въ этомъ эскадронѣ также не было; объяснялось это тѣмъ, что село Казанка считалось скучной стоянкой, а потому всегда просились назначать въ другія болѣе веселыя мѣста, я же въ этомъ случаѣ предоставилъ свое назначеніе волѣ начальства.

Служба моя началась хожденіемъ ежедневно въ конюшню того взвода, въ который былъ назначенъ, поочередно съ унтеръ-офицерами эскадрона, дежуриль по конюшнямъ, подъ вѣдѣніемъ дежурнаго состояли дневальныя, обязанность дежурнаго наблюдать надъ своевременнымъ надѣваніемъ лошадей торбъ съ зерномъ, водопоемъ, чисткой лошадей, конюшенъ и вообще за всѣми порядками въ конюшняхъ; о чемъ рапортовалъ при явкѣ въ конюшни какого-либо начальства.

Каждый день занимался я верховой ѣздой, маршировкой и ружейными приемами, военные уставы изучалъ на квартирѣ. Всѣ эти премудрости усвоилъ я довольно скоро, въ особенности верховую ѣзду, такъ что когда весной пріѣхалъ въ Казанку командиръ полка смотрѣть эскадронъ, то я ужъ участвовалъ въ унтеръ-офицерской ѣздѣ въ манежѣ, при чемъ сознаю, что я былъ въ этомъ случаѣ отчасти обязанъ прекрасно вымуштрованной лошади.

Помню хорошо вахмистра эскадрона нѣкоего Морозенко, красивый мужчина и большой руки службистъ, ѣздялъ превосходно, былъ строгъ съ солдатами и частенько ихъ наказывалъ. Морозенко былъ въ Петербургѣ въ образцовомъ полку, о чемъ много говорилъ, часто я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его рассказы, въ особенности когда они касались въ чемъ-либо Императора Николая Павловича, котораго мы боготворили.

Въ маѣ мѣсяцѣ нашъ эскадронъ отправился на полковой весенній компантъ въ м. Кривой-Рогъ, куда собрался весь полкъ адѣсь почти каждый день происходила полковая ученія, насъ же

юнкеровъ, отъ всего полка независимо участія нашего въ полковыхъ ученіяхъ собиравя отдѣльно и учивя фронтовой службѣ; при этомъ я имѣлъ возможность познакомиться со всѣми юнкерами нашего полка.

Во время компанента прѣхалъ смотрѣть полкъ вновь назначенный начальникъ дивизіи генераль Фишбахъ. Еще до его прѣзда разсказывали объ немъ разные ужасы, а потому ждали его какъ грозу, какимъ онъ дѣйствительно оказался; во время смотра выговорамъ, распеканіямъ не было конца, всѣмъ досталось, начиная съ полкового командира и кончая солдатомъ.

По окончаніи смотра начальникъ дивизіи пожелалъ видѣть юнкеровъ въ пѣшемъ строю. Собрали насъ на плацъ, поставили по ранжиру; подъѣзжаетъ начальникъ дивизіи, послѣдовала команда—„смирно“, „на караулъ“, подошелъ генераль, поздоровался, молодецки отвѣтали „здравія желаемъ, Ваше Превосходительство“; все бы, казалось, какъ слѣдуетъ быть, но къ сожалѣнію адъсь вышелъ небольшой казусъ, подошелъ генераль къ правому флангу и остановился; на правомъ флангѣ по росту стоялъ юнкеръ нѣкто Магнусъ, на котораго начальникъ и вперялъ свой взглядъ. Надобно сказать, что Магнусъ хотя былъ высокаго роста, но не имѣлъ никакой фигуры, у него какъ будто вмѣсто костей были хрящи, не имѣющіе устоевъ, а потому вмѣсто фронтальной стойки онъ представлялъ изъ себя далеко не тотъ видъ, какой требуется во фронтѣ, тѣмъ болѣе еще это выражалось его ненормальнымъ состояніемъ при держаніи карабина „на караулъ“, вотъ этотъ бѣдный Магнусъ и обратилъ на себя вниманіе грознаго генерала Фишбаха, отъ чего весьма естественно онъ потерялся, чѣмъ еще болѣе показался несоотвѣтствующимъ правиламъ фронтовой стойки. Это обстоятельство взволновало генерала, прошелъ онъ по фронту, скомандовали намъ „на плечо“, затѣмъ продѣлали мы ружейные приемы, промаршировали, и этимъ смотръ окончился, генераль остался недовольнымъ.

Послѣдствіемъ этого смотра было образованіе изъ насъ отдѣльной полковой юнкерской команды, начальникомъ этой команды назначили командира 4-го фланкернаго дивизиона подполковника Ржонсницкаго.

По окончаніи компанента отправились всѣ юнкера въ мѣсто пребыванія подполковника Ржонсницкаго, въ село Николаевку, гдѣ расположились на квартирахъ.

Подполковникъ Ржонсницкій былъ большой службистъ и формалистъ, первый задокъ въ полну, строитъ, по рожденію и духу полякъ, все это мы знали, а потому держали ухо остро; частыми

ученіями порядочно онъ насъ мучалъ, но мы не роптали, а въ точности исполняли его требованія, ученія происходили два раза въ день; нужно отдать справедливость Ржонсницкому, онъ сильно насъ подтянулъ по фронтовой части, такъ что бывало, на ученіяхъ—ружейные приемы, маршировка и верховая ѣзда вызывали на суровомъ лицѣ Ржонсницкаго довольную улыбку.

Сборъ юнкеровъ въ одну команду имѣлъ большое значеніе для насъ не по одной только фронтовой службѣ. здѣсь мы по-анаконились, узнали другъ-друга, составилось товарищество, дружба, постоянно были вмѣстѣ, много читали, разсуждали, спорили, что несомнѣнно приносило извѣстную пользу не для одной только военной выправки; къ чести сказать нашей команды: изъ препровожденія времени карты и кутежи были совершенно изгнаны. Но разумѣется—въ семьѣ не безъ уroda, былъ между нами одинъ субъентъ, который иногда въ одиночку любилъ выпить. Не помню фамилій всѣхъ юнкеровъ, но съ удовольствіемъ назову тѣхъ, которые остались у меня въ памяти, какъ добрые и дорогіе товарищи: Александръ, Мухартовъ, Ломаковскій, двоюродные братья Юзефовичъ 1-й и Юзефовичъ 2-й, Береславскій, Челищевъ, Магнусъ, Тарнавскій, Есауловъ, Гаюсъ, Зубицкій, и впоследствии во время войны прибыли изъ остзейскихъ провинцій два Остенъ-Савена и Гейкинъ, прекрасные молодые люди во всѣхъ отношеніяхъ. Гдѣ вы въ настоящее время, мои дорогіе товарищи? Куда васъ забросали волны житейскаго моря, да много ли насъ осталось въ живыхъ?

Въ августѣ нашъ полкъ, а въ томъ числѣ и мы отправились на осенній компантъ въ Вознесенскъ, гдѣ мы, юнкера, разбрелись по своимъ эскадронамъ. Еще до выступленія полка было извѣстно о имѣющемъ быть Царскомъ смотрѣ войскъ, собранныхъ въ Вознесенскѣ, состоящихъ изъ 5-го пѣхотнаго корпуса и 5-й кавалерійской дивизіи, которая состояла изъ 4-хъ полковъ: Бугскаго и Нассаускаго уланскихъ полковъ и двухъ гусарскихъ: Александрійскаго и Ахтырскаго, съ 9-й и 10-й конными артиллерійскими батареями.

Въ ожиданія Высочайшаго смотра непрерывно производились ученія, церемоніальные марши и маневры, такъ что для развлеченій оставалось весьма мало времени; жара и пыль, во время ученія, до того утомляли и мучили, что по окончаніи ученій только о томъ и думали, какъ бы добраться до постели и отдохнуть.

Наконецъ дождались мы приѣзда Государя. Трудно выразить то настроеніе, тотъ духъ, которыми были одушевлены войска,

чувствуя, что они находятся въ одномъ городѣ со своимъ обожаемымъ Верховнымъ Вождемъ.

Не стану говорить о святомъ чувствѣ долга и любви вообще каждаго русскаго къ своему Царю. Въ Божѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ въ глазахъ русскаго воинства былъ тотъ олицетворенный идеаль русскаго Богатыря, котораго рисуетъ русскій воинъ лишь въ своемъ воображеніи. Величественная осанка Императора, могущественный взглядъ, присущій именно лишь только Царской Особѣ, производили магическое дѣйствіе на русскаго война; если не всякій военный имѣлъ счастье видѣть своего Царя, то все это передавалось тѣми, которые хотя одинъ разъ имѣли счастье его видѣть; такіи сообщенія воодушевляли солдата, и потому, несмотря ни на какія претерпѣваемые иногда невзгоды, сопряженныя съ службой, все забывалось и думали только о Царѣ и предстоящемъ Высочайшемъ смотрѣ.

Въ назначенный день Высочайшаго смотра весь корпусъ и наша кавалерійская дивизія выстроились въ полковыя колонны. Стоимъ въ трепетномъ ожиданіи, этотъ трепеть былъ не отъ страха и не въ ожиданіи какой-либо грозы, нѣтъ, это былъ тотъ трепеть, который наполняетъ сердце какою-то особенною радостью.

Ждали мы не долго, раздается команда „смирно“; въ одно мгновеніе водворилась полная тишина, и въ то же время будто электрическій токъ пробѣжалъ между рядами, глаза заискрились и сосредоточились въ одну точку; раздается команда „сабли—вонъ, пики въ руки, слушай! сабля вонъ! господа офицеры!“ Трубаچی заиграли маршъ. Подскакиваетъ на бѣломъ конѣ Русскій Богатырь Императоръ, за нимъ многочисленная свита, музыка смолкла, слышимъ звонкій голосъ обожаемаго Царя: „Здорово, Бугцы“!

Раздался невѣроятно громкій дружный залпъ одновременно цѣлаго полка: „здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество“, за тѣмъ крики „ура!“ и гимнъ хора трубачей слились вмѣстѣ, все это произвело на меня такое впечатлѣніе, какое можетъ быть единственнымъ въ жизни.

По объѣздѣ Государемъ полковъ начался церемоніальный маршъ поэскадронно. Этотъ маршъ всегда производилъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе, мнѣ нравились эта торжественность прохожденія мимо начальника подъ звуки прекрасно музыкальнаго марша, играемаго хоромъ трубачей; эти звуки возбуждали какое-то особенно пріятное настроеніе не только у солдатъ, но даже и у лошадей, и вы не удивляйтесь, любезный читатель, если

и скажу, что наши лошади не только иногда понимали нѣкоторую команду, но даже сигналы.

Улаискій фронтъ, въ полной парадной формѣ при цвѣтныхъ отвороткахъ на груди, при красныхъ киверахъ и при пикахъ съ трехцвѣтными флюгерами, представлялъ изъ себя весьма красивую картину, едва-ли не единственную, по своей красотѣ въ арміи; при этомъ сознаніи и при искреннемъ желаніи пройти молодцами мимо своего обожаемаго Государя, все это насъ приводило въ такое настроеніе, при которомъ дѣйствительно прошли молодцами; послѣдовала Высочайшая благодарность! Раздался отвѣтъ: „рады стараться, Ваше Императорское Величество“.

По окончаніи церемоніального марша, возвращаемся съ пѣснями на квартиры въ самомъ лучшемъ настроеніи. Слышала разговоры между г.г. офицерами, что Государь остался очень доволенъ нашимъ полкомъ, благодарилъ полкового командира; такія вѣсти еще болѣе насъ навели на веселое настроеніе.

На другой день вышли войска на площадь, всё веселые и довольные, повторилась при проѣздѣ Государя та же церемонія, какъ и вчера, начались маневры, все шло исправно. Помню, нашу 4-й дивизіонъ, какъ фланкерный, разсыпали въ цѣпь, куда мы лихо карьеромъ проскакали, затѣмъ по сигналу: „займите, феерверки, позиціи“—собрались къ своимъ частямъ; бойко проскакала артиллерія впередъ, снялась съ передковъ, раздалась пальба орудіями. Первый дивизіонъ нашего полка, подъ командой подполковника Оприцы, пустили въ атаку; вдругъ видимъ, что фронтъ дивизіона разстроился и произошло смитеніе: оказалось на пути какое-то препятствіе, которое послужило причиной разстройства фронта. Этимъ обстоятельствомъ Его Величество остался недоволенъ. Бугскій полкъ не получалъ Царской благодарности и по Высочайшему повелѣнію оставленъ въ Вознесенскѣ учиться подъ руководствомъ генерала графа Ламберта. Ученіе это заключалось въ томъ, что каждый день выводили полкъ на площадь, строили его развернутымъ фронтомъ и разными аллюрами водили впередъ и назадъ. Хотя очень трудно было удерживать равненіе—при развернутомъ фронтѣ цѣлаго полка, состоящаго изъ восьми эскадроновъ, но тѣмъ не менѣе полкъ ходилъ на ученіяхъ превосходно, чѣмъ и заслужилъ Высочайшее прощеніе и отпущенъ восвояси.

По прибытіи на постоянныя квартиры, многіе изъ насъ, юнкеровъ, а въ томъ числѣ и я, отправилсь домой. Родныхъ засталъ въ имѣніи, гдѣ пробылъ одну недѣлю.

Наканунѣ Рождественскихъ праздниковъ пріѣхалъ домой въ г. Херсонъ, гдѣ пробылъ въ продолженіе всѣхъ праздниковъ. Изъ Николаева пріѣхали братья, такъ что вся семья была въ сборѣ за исключеніемъ брата Егора, который былъ въ корпусѣ.

Провелъ время праздниковъ въ Херсонѣ въ кругу родныхъ и знакомыхъ очень весело и пріятно, много танцевалъ. Танцами, признаюсь, я любилъ заниматься. Съ большими вниманіемъ покойный отецъ выслушалъ мой разсказъ о Царскомъ смотрѣ, по окончаніи чего произнесъ „Богатырь“.

Эту зиму юнкерская команда была въ Штабѣ полка въ Новомъ-Бугѣ, завѣдывалъ ею подполковникъ Опрнца. Квартира моя была далеко отъ центра мѣстечка, почти цѣлую зиму была сильная грязь, эти неудобства лишали меня возможности посѣщать своихъ знакомыхъ, а потому большую часть времени употреблялъ на чтеніе, что составляло для меня самое любимое занятіе; книги доставалъ вездѣ, гдѣ только возможно; къ крайнему сожалѣнію, въ то время при полку библіотеки не существовало; каждую поездку домой не пропускалъ случая застаться книгами, большею частью научными и историческими.

III.

Въ половинѣ февраля 1853 года пронесся у насъ слухъ о томъ, что нашему полку предстоитъ походъ на направленію къ границамъ Молдавіи и Валахіи. Желая удостовѣриться, насколько такая интересная новость справедлива, отправился я къ адъютанту Любецкому, вхожу въ пріемную, застаю полную комнату офицеровъ и юнкеровъ, всѣ говорятъ о предстоящемъ походѣ. — „А, здравствуй, Марзулинка“, такое прозвище дали мнѣ товарищи, „поздравляемъ съ походомъ“. — „Да правда ли?“ отвѣчаю. — „Спроси у Любецкаго“. — „Правда, Гунаропуло“, говоритъ Любецкій, — „получена изъ дивизіи бумага, черезъ два мѣсяца въ походъ“.

Для военныхъ походъ, для какихъ-либо военныхъ дѣвствій, составляетъ немаловажную эпоху; сколько надеждъ, мечтаній на повышеніе, на награды, наконецъ, двойное жалованье, подъемныя, фуражныя, все это представляетъ такую пріятную перспективу, которая дѣйствительно радуется и веселитъ душу; а потому все общество было въ самомъ веселомъ настроеніи; я вполне и во всемъ сочувствовалъ своимъ товарищамъ, но одно, чего я искренно желалъ, такъ это простаться съ родными: Богъ знаетъ, думалось мнѣ, придется ли возвратиться, съ этой мыслью подошелъ я къ

адъютанту и спрашиваю: „скажите, назвавъ его по имени и отчеству, могу ли я рассчитывать на полученіе отпуска на нѣсколько дней, чтобы съѣздить домой проститься съ родными“? — „Невозможно, отвѣтилъ онъ, всякіе отпуска воспрещены“; затѣмъ немного подумавъ: — „знаете что, говорятъ мнѣ добрый Любецкій, я могу вамъ устроить поѣздку въ Херсонъ, для полка необходимо принять въ Херсонѣ порохъ и гильзы, для этого съ фурштатской подводой командируется для приѣма унтеръ-офицеръ, если вы согласитесь принять это порученіе, то будете командированы вмѣсто унтеръ-офицера“ — „Не только согласенъ, отвѣчаю, но не нахожу словъ выразить вамъ свою искреннюю благодарность“; такимъ образомъ совершенно неожиданно устроилась моя поѣздка въ Херсонъ.

Въ началѣ марта снарядили мнѣ полковую фурштатскую повозку съ кучеромъ-солдатомъ, на которой отправился я въ имѣніе, лежащее по дорогѣ въ г. Херсонъ. Въ имѣніи оставилъ казенный экипажъ съ лошадыи и солдатомъ, а на экономическихъ лошадяхъ отправился въ г. Херсонъ. Мой родителя кое-что слышали про предстоящій походъ, а потому несказанно были обрадованы моимъ пріѣздомъ. Первымъ дѣломъ я отправился по командировкѣ по приѣму пороха и гильзъ, каковую исполнилъ въ точности; пробылъ дома не болѣе трехъ дней. Снарядила меня дорогіе родители, насколько возможно, разными вещами, отслужили капутственный молебень, попрощался, матушка благословила меня перекрестила, поцѣловала, опять перекрестила, опять поцѣловала; безъ слезъ, разумѣется, не обошлось, благословлялъ меня также отецъ образкомъ Святого Николая, кованнымъ серебромъ, греческой работы съ греческой надписью, при чемъ сказалъ: „вотъ тебѣ, Миша, икона, съ которой сражался съ турками твой дѣдъ и ты, твой отецъ, эта икона все время похода и войны была у меня на груди, и Господь помогъ мнѣ выйти изъ всѣхъ сраженій, въ которыхъ я участвовалъ, цѣлымъ и непредимымъ“. Въ полку шли разныя приготовленія къ походу, офицеры запасались выюками, выючными лошадыи, а нѣкоторые повозками, однимъ словомъ, все были спѣшно заняты предстоящимъ походомъ.

Въ началѣ апрѣля въ день, назначенный для выхода, собрался полкъ на площадь, провожалъ и осматривалъ полкъ присланный изъ Петербурга флигель-адъютантъ полковникъ князь Васильчиковъ, отслужили молебень и двинулись въ походъ. Весьма трогательная картина была при видѣ прощанія офицеровъ и солдатъ съ своими семействами, которыя провожали полкъ до перваго привала.

Походная жизнь имѣетъ свою прелесть, но, несомнѣнно, сопряжена и съ неудобствами. Что меня на первый разъ ватрудняло; вслѣдствіе ежедневныхъ переходовъ, отъ непривычки, я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, но затѣмъ впоследствии такъ я свыкъся, что, несмотря ни на какую погоду и ни на какіе дальніе переходы, даже при форсированныхъ маршѣхъ, не чувствовалъ никакой усталости.

Обозрѣніе новыхъ мѣстностей, встрѣчаемыхъ въ пути, знакомствъ съ новыми людьми доставило мнѣ не малое удовольствіе; съ большимъ любопытствомъ разспрашивали насъ, куда мы идемъ и съ кѣмъ предполагается воевать? Нѣкоторые доморощенные политики увѣряли насъ, что изъ морской пучины вышелъ громаднаго роста народъ и поднялъ войну противъ Русскаго Царя; впоследствии до нѣкоторой степени оправдалось инстинктивное предположеніе народа. Дѣйствительно, подняли войну противъ Русскаго Царя пришедшіе изъ-за моря рослые народы. Въ то время въ газетахъ не очень-то распространялись о политикѣ, и потому намъ неизвѣстно было о цѣли нашего похода, впрочемъ, смотря по направленію пути, предполагали воевать съ турками.

Изъ дня въ день собирался полкъ по звуку генераль-марша на площадь, выстрачивался, затѣмъ выдвигались эскадроны отдѣленіями по дорогѣ, выскакивали иѣсельники впередъ каждого эскадрона и такимъ порядкомъ съ музыкой и пѣснями двигались далѣе.

Походъ нашъ сопровождался слѣдующимъ порядкомъ: пройдя съ утра верстѣ около 10, останавливались на полчаса, пройдя столько же, дѣлали приваль на часъ, затѣмъ еще одинъ небольшой приваль, и послѣ этого останавливались на ночлегъ. Ежедневные переходы совершали приблизительно по 30 верстѣ; черезъ два, а иногда черезъ три дня дѣлали дневки.

Не могу безъ досады вспомнить одного обстоятельства, которое при настоящихъ моихъ воспоминаніяхъ много бы способствовало къ описанію нашего похода, не только какъхъ-либо замѣчательныхъ случаевъ, но и вѣрное опредѣленіе чиселъ и мѣсяцевъ нашихъ переходовъ, стоянокъ и многихъ другихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ случаевъ, встрѣчавшихся на пути нашего слѣдованія. Съ начала нашего похода я велъ дневникъ, въ который аккуратно ежедневно все записывалъ—время переходовъ, стоянокъ, названій мѣстностей и рѣшительно всѣ чѣмъ-либо замѣчательные случаи, что было извѣстно моимъ товарищамъ и нѣкоторымъ офицерамъ.

Такимъ порядкомъ я довелъ свой дневникъ до возвращенія полка въ Россію; въ скорости по возвращеніи въ Бессарабію, пришелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, корнетъ М., знавшій, что я веду дневникъ, обратился ко мнѣ съ убѣдительною просьбой дать ему дневникъ на нѣсколько времени. Рассчитывая на его аккуратность, я имѣлъ глупость дать ему; черезъ нѣсколько времени узнаю, что М. уѣхалъ въ Новый-Бугъ, а полкъ нашъ въ это время двинулся въ Добруджу, зитѣмъ узнаю, что М. женился и до нашего возвращенія въ Новый-Бугъ подалъ въ отставку и куда-то выѣхалъ навсегда; такимъ образомъ, я потерялъ его изъ виду и дневника своего болѣе не видѣлъ.

На первое время нашъ походъ окончился прибытіемъ въ Тыраспольскій уѣздъ, гдѣ полкъ расположился на квартирахъ въ селеніяхъ по берегу рѣки Днѣстра. Штабъ полка въ с. Плоскомъ, населенномъ русскими раскольниками, а нашъ 4-й дивизионъ въ селахъ: Теи, Спеи и Такмазев, населенныхъ исключительно молдаванами. Здѣсь я впервые началъ учиться говорить по-молдавски. Берега Днѣстра обладаютъ обиліемъ древесной растительности, — фруктовые сады и виноградники, расположенные на крутыхъ берегахъ, составляли живописныя картины, все это послѣ скучныхъ и голыхъ Херсонскихъ степей доставило намъ немалое удовольствіе, при прогулкахъ въ тѣнистыхъ и роскошныхъ садахъ и лѣсахъ.

Простоявъ въ этой мѣстности не болѣе мѣсяца, мы двинулись далѣе, перешли Днѣстръ у г. Бендеръ и безостановочно пришли въ мѣстечко Леоно, гдѣ и была назначена переправа черезъ рѣку Прутъ, которую перешли 20-го іюня 1853 года въ авангардѣ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Анрепа-Эльметъ и вступили въ княжество Молдавію, и съ этого числа по 3-е іюля слѣдовали форсированнымъ маршемъ безъ дневокъ для занятія г. Бухареста. Такое наше свѣшное стремленіе занять Молдавію и Валахію было цѣлью предупредить переправу турокъ черезъ Дунай въ княжества, а также убѣждало насъ, что война можетъ быть съ турками.

3-го іюля мы прибыли въ г. Бухарестъ, столицу Валахіи; подходя къ этому городу, насъ встрѣтила многочисленная публика во главѣ духовенства, — полкъ и вообще весь авангардъ расположился подъ городомъ лагеремъ. На другой день отправился съ товарищами обозрѣвать городъ, особеннаго впечатлѣнія Бухарестъ на меня не произвелъ, улицы, какъ и вообще въ румынскихъ городахъ, узкія, кривыя, особенныхъ замѣчательныхъ построекъ не помню, но вообще городъ большой и шумный.

Изъ Бухареста выступили 6-го іюля къ г. Журжѣ, гдѣ расположились лагеремъ на берегу Дуная и простояли по 27 іюля; противоположный берегъ съ крѣпостью Рушукомъ былъ занятъ турецкими войсками, война еще не была объявлена, а потому никакихъ непріязненныхъ дѣйствій между нами не происходило.

Изъ-подъ Журжи отправился нашъ полкъ къ окрестностямъ Бухареста, гдѣ простояли до октября мѣсяца, а оттуда двинулись въ мѣстечко Рушиде-Веде, гдѣ расположились на зимнія квартиры.

Молдавія и Валахія, или такъ называемая нынѣ Румынія представляетъ богатую страну, обладаетъ обиліемъ растительности, прекрасными лѣсами, садами, виноградниками и изумительнымъ плодородіемъ почвы; но, несмотря на такую благодать, народонаселеніе крайне бѣдно и выглядываетъ угнетеннымъ, живетъ въ неварачныхъ избахъ и большею частью въ землянкахъ (бурдояхъ), застѣваютъ исключительно кукуруву, каковая служитъ для нихъ въ видѣ мамалики главной пищей. Единственно, что я замѣтилъ и на что обратилъ вниманіе, такъ это занятіе ими, преимущественно женщинами, въ большихъ размѣрахъ шелководствомъ: въ каждой избѣ находились шелковичные черви, при чемъ обыватели при отводѣ квартиръ убѣдительно насъ просили въ избѣ не курить, такъ какъ черви не выносятъ табачнаго дыма; разумѣется, мы исполняли эти просьбы.

Виноградные сады большею частью принадлежали владѣльцамъ земель, у крестьянъ же незначительные виноградники были въ ихъ усадьбахъ.

Видѣвши, какимъ благосостояніемъ отличается населеніе Бессарабіи, которое большею частью по національности тѣ же молдаваны, уже не говорю о русскихъ и нѣмецкихъ селахъ, я просто поразился непрягледностью населенія Румынія; присматриваясь къ положенію, быту и нравамъ населенія, я замѣтилъ, что оно весьма невѣжественно, отличается отсутствіемъ строгой нравственности и совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи; не имѣя собственной земли, населеніе подвергается невѣроятной эксплуатаціи арендаторовъ земля, что, разумѣется, и служитъ главной причиною ихъ бѣдности.

По пути нашего слѣдованія, насъ встрѣчали священники въ бѣдномъ облаченіи, съ хоругвями и иконами; для насъ, привыкшихъ въ подобныхъ церемоніяхъ видѣть особую торжественность и благоговѣйность, представлялось все это такъ мизерно, бѣдно. отсутствіемъ же, въ подобныхъ случаяхъ, благоговѣя-

ности, напрямѣръ: при несеніи хоругви и иконы былъ въ шапкахъ, что производило на насъ непріятное впечатлѣніе.

Во время стоянки въ Руше-де-Веде намъ сдѣлалось извѣстнымъ неудачное дѣло съ турками подъ Ольтеницей, гдѣ произошла незначительная стычка съ переправившимися турками, это первое непріятное извѣстіе для нашего самолюбія, но за то возбудило мечтанія отплатить туркамъ при первой же возможности.

Полугодовое наше шатаніе по Валахіи надоѣло, все думалось: когда же наконецъ въ дѣло? и что это такое происходитъ, что-то непонятное; заняли Молдавію и Валахію, но что же дальше? стоимъ и не двигаемся, такое положеніе дѣйствовало на насъ удручающе, а тутъ еще это неудачное дѣло подъ Ольтеницей; мы и не догадывались въ то время, что надъ нашимъ отечествомъ надвигается грозная туча въ видѣ европейской коалиціи, которая несомнѣнно до нѣкоторой степени отразилась на нашу стоянку въ Молдавіи и Валахіи.

Въ новый 1854 годъ получается приказъ нашему полку немедленно выступить; на слѣдующій день полкъ въ цѣломъ составѣ двинулся форсированнымъ маршемъ въ Малую Валахію къ городу Калафату, находящемуся на берегу Дуная напротивъ турецкой крѣпости Виддявъ, который уже былъ занятъ турками, прошли городъ Краевъ и пришли въ селеніе Галиче-Мари 15 января, гдѣ вступая въ составъ Маловалахскаго отряда.

Съ этого времени для насъ началась боевая жизнь, съ разными лишеніями, приключеніями, сопряженными съ жизнью, ведущей лицомъ къ лицу непріятеля; мое же положеніе какъ еще няжняго чина улучшилось, благодаря добрѣйшему ротмистру князю Жевахову, съ которымъ я познакомился лишь походомъ.

На походѣ не доходя до г. Бухареста подѣхалъ ко мнѣ недавно принявшій 2-й эскадронъ ротмистръ князь Филлиппъ Ивановичъ Жеваховъ, который былъ женатъ на моей кузинѣ, урожденной Шпирѣ, и передъ походомъ овдовѣвшій, съ которымъ не знаю почему я еще не былъ знакомъ.

„Здравствуйте, Гунаропуло, обратился ко мнѣ князь. Здравствуйте, Ваше Сіятельство, отвѣчаю ему. Извѣстно ли Вамъ, говоритъ князь, что Вы мнѣ приходитесь родственникомъ? Слышалъ, что Ваше Сіятельство были женаты на моей кузинѣ, но я не имѣлъ удовольствія съ ней быть знакомымъ. Я, Васъ прошу, отвѣчаетъ князь, по родственному поселиться у меня и для этого перейти во 2-й эскадронъ. Горячо поблагодарилъ его за такое вниманіе, но просить о переводѣ отказался, такъ какъ, не желалъ этимъ возбудить неудовольствіе своего эскадроннаго командира

Рузи, которымъ я былъ очень доволенъ.— „А если Васъ переведутъ безъ Вашей просьбы?“— „Тогда значить судьба“,—отвѣтилъ я. Князь любезно со мной простился. Черезъ недѣлю состоялся мой переводъ во 2-й эскадронъ. Когда я пошелъ къ ротмистру Рузи поблагодарить его за его ко мнѣ вниманіе, какъ командира и проститься по случаю перевода, онъ мнѣ сказалъ, что ему извѣстно, что мой переводъ состоялся не по моей просьбѣ.

Организованный Маловалахскій отрядъ сначала состоялъ изъ небольшого количества, подъ командой нашего начальника дивизіи генераль-лейтенанта Фишбаха.

Былъ ли этотъ отрядъ поставленъ просто для наблюденія за турками или же цѣль его состояла въ томъ, чтобы не допустить турецкимъ войскамъ переправиться черезъ Дунай въ Калафатъ, сказать не умѣю, впрочемъ полагаю, что послѣднее, такъ какъ впоследствии были попытки прогнать турокъ, успѣвшихъ занять Калафатъ обратно, но серьезныхъ средствъ къ этому не принималось. Однимъ словомъ, дѣйствовали какъ-то нерѣшительно. впоследствии же мы навѣрно знали, что нашимъ нерѣшительнымъ дѣйствіямъ была причиной г-жа политика, которая благопріятствовала туркамъ, а потому они преспокойно переправлялись изъ крѣпости Видлянъ черезъ Дунай въ Калафатъ. Командующимъ подкрѣпленнымъ Маловолахскимъ отрядомъ былъ назначенъ генераль графъ Аврепъ-Эльмптъ, послѣ же Читатскаго дѣла этотъ отрядъ поступилъ подъ команду генерала Липранда, эта послѣдняя переменна командующаго, какъ нужно полагать, была причиной нераспорядительности генерала Аврепа въ Читатскомъ дѣлѣ. Дѣло это произошло слѣдующимъ образомъ: селеніе Четати вблизи Калафата занималъ небольшой авангардный отрядъ, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ при четырехъ орудіяхъ и двухъ сотенъ казаковъ подъ командой полковника Баумгартена; на этотъ отрядъ 25 декабря утромъ напали турки въ количествѣ 10-ти тысячъ человекъ, полковникъ Баумгартенъ геройски отбивался, въ подкрѣпленіе Баумгартена, Аврепъ послалъ незначительный отрядъ подъ командой генерала Бальгарда, эти два героя отстояли честь Русскаго оружія, ихъ отряды геройски дрались, турки вынуждены были поспѣшить отступить съ большими потерями, геройски преслѣдуемые дивизіономъ Александрійскихъ гусаръ.

Нераспорядительность генерала Аврепа усматривали въ томъ, что онъ, имѣя свободными части войскъ, могъ двинуть ихъ въ дѣло, отрѣзать и совершенно уничтожить отступавшихъ турокъ, но что онъ этимъ благопріятнымъ случаемъ не воспользовался.

Безпрепятственная переправа турецкихъ войскъ и Четатское дѣло обратили серьезное вниманіе нашего главнокомандующаго генераль-адъютанта князя Горчакова, который прибылъ въ Маловалахскій отрядъ и 16 января было объявлено наступательное движеніе отряда на селенія Гуни и Модловито, близъ Калафата, которые были заняты турками.

Помню хорошо этотъ день для насъ знаменательнымъ тѣмъ, что впервые предполагалось, что завтра можетъ быть придется драться съ непріятелемъ, наши чудо-богатыри солдаты съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ приготавливались; для меня же это было какое-то новое чувство, соединенное съ давно желаннымъ любопытствомъ увидѣть на дѣлѣ что-то такое, которое представлялось лишь въ воображеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ навѣвало грусть при воспоминаніи объ родныхъ.

Въ этотъ день я проснулся еще до свѣта, вышелъ изъ землянки, гдѣ насъ помѣщалось нѣсколько человекъ, и началъ горячо возносить молитвы Всевышнему; затѣмъ вошелъ въ землянку, разбудилъ товарищей, и начали мы готовиться къ выступленію.

Съ разсвѣтомъ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго князя Горчакова весь отрядъ двинулся въ боевомъ порядкѣ по направленію къ Калафату; шли мы цѣлый день, турки поспѣшно заблаговременно отступали, безъ всякаго съ ихъ стороны препятствія, допустили насъ занять всѣ близъ Калафата лежащія селенія, только лишь по направленію къ сел. Четата слышны были нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Такое поспѣшное отступленіе турокъ дозволило нашему отряду сдѣлать въ одинъ день то, что предполагалось сдѣлать въ два дня.

Поздно вечеромъ нашъ полкъ остановился въ сел. Голенцахъ, пришли мы усталые, голодные, цѣлый день кромѣ сухарей ничего не ѣли, обозы и маркитанты остались далеко позади, и прибыли лишь на другой день. Жители того села ушли, къ нашему благополучію нѣкоторая живность осталась на произволь судьбы. Наши голодные солдаты такимъ благопріятнымъ случаемъ воспользовались, такъ что и на нашу долю кое-что перепало, въ видѣ вареныхъ курочекъ, которыхъ мы съ большаю удовольствіемъ скушали, можетъ быть въ смыслѣ реквизиціи мы поступили неправильно, съѣвши курочекъ, предварительно не справившись, кому онѣ принадлежатъ, но что дѣлать—голодъ не свой братъ.

На другой день, т. е. 17 января послѣдовало обложеніе Калафата, это обложеніе не имѣло значенія въ томъ смыслѣ, какъ

вообще понимается обложение со всѣхъ сторонъ крѣпости, обложение Калафата было лишь только со стороны Малой Валахив, но совершенно спокойно турки могли сидѣть въ Калафатѣ, имѣя у себя въ тылу на другой сторонѣ рѣки Дуная крѣпость Ваддинъ, соединенную съ Калафатомъ мостомъ. Въ этотъ же день главнокомандующій князь Горчаковъ подъ личнымъ своимъ начальствомъ произвелъ рекогносцировку Калафатскихъ укрѣпленій, при этомъ въ цѣпи была ружейная перестрѣлка.

Со дня обложения Калафата нашъ полкъ, постоянно ежедневно несъ аванпостную службу и ежедневно былъ въ перестрѣлкахъ и въ прикрытіяхъ при дѣйствіяхъ конной артиллеріи. Не могу не сказать нѣсколько словъ объ нашемъ въ то время вооруженіи. Нашъ нижній чинъ уланъ въ то время былъ вооруженнымъ тремя видами оружія:—пикой, саблей и карабиномъ; на практикѣ самое дѣйствительное и существенное оружіе было для улана пика, а затѣмъ сабля, карабинъ гладкоствольный составлялъ для него лишь излишнее бремя, въ виду того, что на стрѣльбу никакого вниманія не обращалось, а тѣмъ болѣе при вооруженіи непріятеля штурдерами наши карабины, бывшіе лишь на близкое разстояніе, никакого значенія не имѣли. Иногда турецкая цѣпь, зная достоинство нашей стрѣльбы, приближалась, тогда сейчасъ же слѣдовала команда: „пика къ атакѣ маршъ-маршъ“; насколько помню, въ большей части турки не принимали и не выдерживали нашихъ атакъ и удирали подъ защиту сплехъ укрѣпленій.

Бывали случаи, что какая-нибудь шальная пуля кого-либо изъ нашихъ ранитъ и убьетъ, но такіе случаи были очень рѣдки.

По прибытіи нашемъ въ сел. Голенцы, послѣ сдѣланной главнокомандующимъ рекогносцировки два дивизиона 1-й и 2-й нашего полка подъ командой полковника Опряцы отправляясь въ сел. Цояны, отстоящее отъ сел. Голенцы въ 12-ти верстахъ на лѣвомъ флангѣ нашей демаркаціонной линіи, другіе же два дивизиона остались въ сел. Голенцахъ, я состоялъ въ 1-мъ дивизионѣ.

Ночью наша цѣпь постоянно провѣрялась начальствомъ, часто для повѣрки являлся поручикъ Генеральнаго Штаба Черняевъ, впоследствии генералъ, Туркестанскій герой. Для насъ, нижнихъ чиновъ, болѣе всего неприятны были ночные разъѣзды, зима была суровая, часто были мятелы, и вотъ извольте въ темную ночь въ сильную мятель и морозъ отправиться въ разъѣздъ, состоящій изъ унтеръ-офицера или конкера и двухъ рядовыхъ на разстояніи какихъ-нибудь 6 или 7-ми верстъ, часто бывало, что разъѣзды блуж-

дали и благодаря лишь инстинкту лошадей возвращались благополучно. Тяжелая аванпостная служба, а тѣмъ паче зимняя, частыя тревоги заставляли насъ быть постоянно на чеку, а потому объ какихъ-нибудь теплыхъ избахъ не могло быть и рѣчи, помещались мы просто въ куреняхъ, посреди этого куреня была яма, въ которой горѣлъ костеръ, что и служило для насъ помещеніемъ, замѣняющимъ теплую комнату; и чтожъ: больныхъ не было, а такая жизнь какъ будто придавала болѣе бодрости.

Помню, въ одну изъ ночей, когда нашъ эскадронъ отдыхалъ послѣ дежурства въ цѣпи, вышло приказаніе переимѣнить названіе лозунга и пароля, узнали, что съ цѣпи бѣжалъ къ туркамъ рядовой 1-го эскадрона, этого рядового за нѣсколько дней до его бѣгства я видѣлъ за что-то арестованнымъ; мнѣ говорили, что онъ знаетъ татарскій языкъ: спустя немного времени передался намъ отъ турокъ одинъ черкесь, который намъ сообщалъ: что когда прискакалъ къ туркамъ нашъ солдатъ, то его заставили одѣться въ полную парадную форму и въ такомъ нарядѣ отвели его къ пашѣ: для ясности считаю нужнымъ сказать, что мундиръ и бѣлье солдата находились въ кругломъ продолговатомъ чехолѣ, который постоянно находился привязаннымъ сзади сѣдла.

2-го февраля нашъ отрядъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Липранди двинулся къ Калафату, гдѣ подъ огнемъ непріятельскихъ укрѣпленій была произведена рекогносцировка, а 7-го ночью было общее наступательное движеніе всего Маловалахскаго отряда къ Калафату, подошли мы къ нему очень близко, остановились въ боевыхъ колоннахъ; провезли мимо насъ лѣстницы и другія принадлежности для штурма, ну, думаемъ, вотъ когда начнется настоящее дѣло, а между тѣмъ начинается насъ одолевать сильный морозъ, что дѣлать, стоимъ, мерзнемъ. Хорошо слышимъ изъ Калафата шумъ человеческихъ голосовъ и колесный грохотъ по мосту; по всей вѣроятности, турки не ожидали нашего въ темную ночь наступленія, къ тому жъ, какъ извѣстно, большой морозъ служить для нихъ плохимъ помощникомъ и судя по грохоту мы предполагали, что турки бѣгутъ по мосту изъ Калафата въ крѣпость Виддинъ, вотъ, думаемъ себѣ, когда будетъ конецъ злополучному Калафату, между тѣмъ стоятъ на мѣстѣ пѣхота, стоятъ артиллерія, стоимъ и мы, все стоимъ и долго, очень долго стоимъ, ждемъ не дождемся чего-то интереснаго, наконецъ дождались: прискакиваетъ ординарецъ, наше начальство зашевелилось, что такое? думаемъ. Раздается команда: „налѣво кругомъ маршъ“, вотъ и дождалась, чтобы отправиться

назадъ въ свои курени, и это, думаемъ, не дурно, но зачѣмъ же была продѣлана вся эта ночная диверсія, а эта диверсія, какъ тогда говорили, стояла заболѣванія не менѣе ста человѣкъ, отморожившихъ себѣ разные члены.

На пути нашего возвращенія увидѣли стожокъ соломы, возлѣ котораго нашъ дивизионъ сдѣлалъ привалъ, мгновенно стожокъ запылалъ, съ удовольствіемъ мы обогрѣлись и лишь только этимъ заключился нашъ ночной подвигъ.

Рекогносцировки для обзорѣнія непріятельскихъ укрѣпленій производились очень часто, думаю, что эти укрѣпленія были изучены до тонкости, а такъ какъ противъ Калафата послѣ ночного движенія ничего серьезнаго не предпринималось, то мы не могли понять, для чего же производятся эти рекогносцировки, считаю не лишнимъ описать двѣ изъ нихъ, какъ болѣе замѣчательныя.

24 февраля со стороны селенія Поянъ, полковникъ Генеральнаго Штаба Веймарнъ производилъ обзорѣніе непріятельскихъ укрѣпленій подъ прикрытіемъ трехъ дивизионовъ нашего полка, 1-й подъ командой полковника Оприцы, а 3-й и 4-й подъ командой подполковника Ржонснацкаго, двухъ сотенъ казаковъ при двухъ орудіяхъ 9-й конной батарея, подъ общей командой полковника Веймарна, который находился на лѣвомъ флангѣ. Расположеніе этого отряда было слѣдующее: первый дивизионъ, въ которомъ я состоялъ, былъ на правомъ флангѣ, 3-й и 4-й при двухъ орудіяхъ на лѣвомъ флангѣ, разстояніе между означенными дивизионами было приблизительно около 4-хъ верстъ холмистой мѣстности въ такой степени, что первому дивизиону не видно было, что происходитъ на лѣвомъ флангѣ.

Держащіе разъѣзды казаки донесли командиру 1-го дивизиона, что турецкая кавалерія въ нѣсколькихъ колоннахъ вышла изъ Калафата и направляется къ нашему лѣвому флангу, т. е. къ 3-му и 4-му дивизионамъ. Выслушавъ донесеніе разъѣзда, полковникъ вызвалъ меня, подскакиваю къ нему: „возьмите* приказываегь мнѣ полковникъ, — двухъ рядовыхъ и какъ можно скорѣй побѣжайте къ отряду лѣваго фланга и посмотрите, что тамъ дѣлается*. Беру рядовыхъ, скачемъ и съ перваго же возвышеннаго холма довольно ясно увидѣлъ, что турецкая кавалерія въ количествѣ, превышающемъ силу дивизионовъ, стремится войти въ флангъ нашимъ дивизионамъ, которые отступаютъ почти рысью; немедленно возвращаюсь и докладываю полковнику съ указаніемъ, съ какого холма я замѣтилъ положеніе нашихъ дивизионовъ; немедленно нашъ 1-й дивизионъ полной рысью былъ двинутъ къ указанному мною возвышенному холму. Турецкая кавалерія,

замѣтивъ этотъ маневръ, угрожающій ея тылу, немедленно прекратила преслѣдованіе нашихъ дивизионовъ и начала смѣшно отступать.

5-го апрѣля была сдѣлана рекогносцировка подъ командой нашего начальника дивизіи генерала Фишбаха. Въ этой рекогносцировкѣ участвовали: Александрійскій и Ахтырскій гусарскіе полки, нашъ Бугскій уланскій полкъ, казачій полкъ и двѣ конныхъ батареи: 9-я и казачья батарея, цѣль состояла изъ казаковъ и двухъ фланкерныхъ эскадроновъ Ахтырскаго гусарскаго полка; остальная кавалерія построена была въ боевомъ порядкѣ готовая къ атакѣ, въ интервалахъ находилась артиллерія; въ такомъ порядкѣ отрядъ быстро подвигнулся впередъ по направленію къ Калафату, наконецъ наша цѣль бросается въ атаку на турецкую цѣль, колонны двинулись рысью. Турецкая цѣль по обыкновенію удирлетъ. Турецкія колонны отступаютъ, передъ нами открылся весь турецкій лагерь изъ зеленыхъ палатокъ. Вдругъ раздался залпъ изъ турецкихъ батарей, сперва снаряды перелетали, затѣмъ ложились около насъ, наши колонны начали отступать шагомъ, турки провожаютъ насъ ядрами и гранатами, свистъ и жужжаніе которыхъ раздаются непрерывно: состоя передъ 2 взводомъ, вижу, что фронтъ начинаетъ изъ шага переходить въ рысь, въ это время подскакиваетъ къ фронту командующій эскадрономъ поручикъ Перепелицынъ, громко командуетъ: „шагомъ, шагомъ, господа офицеры, успокойте фронтъ“, что относилось и ко мнѣ, стоящему передъ взводомъ. Приказаніе командующаго эскадрономъ и принятыя мѣры взводными командирами воздѣйствовали на фронтъ, который даже перешелъ на малый шагъ, а сзади продолжали турки провожать насъ ядрами: отойдя на известную дистанцію, послѣдовала команда: „стой, во фронты!“ Артиллерія выскочила впередъ, снялась съ передковъ и начала обстрѣливать турецкую батарею, которая не унималась и продолжала насъ угощать, стоявшихъ на мѣстѣ, прикрывая свою артиллерію. Въ это время я замѣтилъ, что разорвалась граната возлѣ нашего уважаемаго храбраго командующаго эскадрономъ поручика Перепелицына, вижу съ нимъ что-то не ладно, подскочилъ къ нему старшій офицеръ, позвалъ двухъ унтеръ-офицеровъ, которые проводили раненаго въ лазаретную фуру; онъ оказался сильно контуженнымъ въ голову. Передъ 3-мъ взводомъ стоялъ корнетъ Яндоловскій, ядро упало возлѣ него и подняло такую массу земли, которая обдала его съ лошадыю, подѣзжаю къ нему, спрашиваю, не ранены ли Вы? нѣтъ, отвѣ-

часть, оказалось, что онъ также былъ контуженъ въ голову, впоследствии кончилось сумасшествіемъ и смертью.

Любо было смотрѣть на дѣйствіе нашей артиллеріи, не долго турки громали, наша артиллерія скоро заставила ихъ замолчать, послѣ чего мы отправились въ свои мѣста. Это была послѣдняя заключительная рекогносцировка, которая лишила насъ прекраснаго, во всѣхъ отношеніяхъ, офицера Перепелицына, который ужъ болѣе въ полкъ не возвращался.

Наконецъ 13 апрѣля Мало-Валахскій отрядъ двинулся изъ-подъ Калафата по направленію къ городу Краіево и остановился въ городѣ Слатинѣ, нашъ же Бугскій полкъ отдѣлился отъ того отряда и былъ двинутъ къ окрестностямъ Бухареста.

На второмъ переходѣ отъ города Слатина слышу, что зовутъ корнета Мухортова, проходимъ дальше, вижу: стоитъ коляска, запряженная дугомъ въ шесть лошадей, въ которой сидятъ штабъ-офицеръ въ формѣ Александрійскаго гусарскаго полка, къ нему подъѣхалъ корнетъ Мухортовъ, которому этотъ штабъ-офицеръ передалъ письмо и узелокъ, какъ оказалось съ золотомъ, и поѣхалъ по направленію къ городу Слатинѣ. Спрашиваю у Мухортова, кто это? отвѣчаетъ, что это полковникъ Карамзинъ, который привезъ ему отъ брата, камеръ-юнкера Мухортова, письмо и деньги, ѣдетъ же онъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, въ каковой онъ недавно поступилъ изъ отставки. Предполагалъ ли Карамзинъ, что полкъ, который онъ встрѣтитъ, вслѣдствіе его увлеченія, будетъ спустя три недѣли возвращенъ обратно въ Слатинѣ, и могли ли мы себѣ представить, что этотъ пріѣхавшій штабъ-офицеръ въ непродолжительное время такъ печально кончитъ свою жизнь и своимъ увлеченіемъ принесетъ большое несчастіе Александрійскому гусарскому полку, отличившемуся въ эту же войну храбростью.

Шли мы не спѣша небольшими переходами съ дневками, прошли Бухарестъ и не доходя къ назначенному мѣсту нашъ полкъ потребовали обратно въ Слатинѣ форсированнымъ маршемъ, что такое, думаемъ, случилось? подходимъ къ Слатинѣ, видимъ, что на площади, гдѣ стояла артиллерія, стоятъ четыре передка безъ орудій, что это значить? спрашиваемъ, узнаемъ печальную исторію: два дивизиона Александрійскаго гусарскаго полка разбиты, много раненыхъ убитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ и лишенысь четырехъ орудій, полковникъ Карамзинъ убитъ. По разсказамъ очевидцевъ все это несчастіе произошло такимъ образомъ. По отступленіи Мало-Валахскаго отряда изъ-подъ Калафата, турецкія войска въ приличномъ разстояніи слѣдовали за нами, нашъ

отрядъ остановился въ г. Слатинѣ. Командующему отрядомъ генералу Липранди донесли, что не въ далекомъ разстояніи отъ Слатина за рѣкой, названія которой не помню, показываются турецкія войска. Генераль Липранди распорядился сдѣлать рекогносцировку, съ этимъ распоряженіемъ отправился Начальникъ Штаба отряда полковникъ князь Васильчиковъ къ графу Алопеусу командиру Александрійскаго гусарскаго полка; не доѣзжая квартиры Алопеуса, проѣзжалъ Васильчиковъ мимо квартиры полковника Карамзина, который, стоя у окна, увидѣлъ Васильчикова, спросилъ, куда идете?—Къ Алопеусу отвѣчаетъ князь; Алопеусъ боленъ и не встаетъ съ постели, говоритъ Карамзинъ, тогда князь Васильчиковъ объявилъ Карамзину съ какимъ порученіемъ онъ ѣдетъ къ Алопеусу; услышавъ объ этомъ, Карамзинъ сталъ убѣдительно просить Васильчикова доложить генералу Липранди о порученіи ему отряда для рекогносцировки, тѣмъ болѣе, что онъ, Карамзинъ, является старшимъ штабъ-офицеромъ въ полку.

Назначаютъ Карамзина. Отрядъ въ составѣ двухъ дивизионовъ Александрійскаго гусарскаго полка съ двумя сотнями казаковъ при четырехъ орудіяхъ 9-й конной батареи подъ командой полковника Карамзина отправляются, при чемъ генераль Липранди командировалъ состоять при отрядѣ офицера Генеральнаго Штаба Черняева.

Не доходя до рѣки, за которой, какъ донесли генералу Липранди, показывались турки, стоялъ трактиръ, возлѣ котораго отрядъ остановился, а Черняевъ съ взводомъ казаковъ перешелъ мостъ, отправился для предварительнаго обзрѣнія, при чемъ предупредилъ и просилъ Карамзина не трогаться съ мѣста до его возвращенія.

Пока Черняевъ обзрѣвалъ мѣстность, Карамзинъ широко угощалъ гг. офицеровъ, закусокъ и вина было привезено въ изобиліи, угостили и солдатъ, благо въ трактирѣ оказалось много мѣстнаго вина; окончивъ закуску и выпивку, страсти разыгралась, забылъ или же просто не обратилъ должнаго вниманія Карамзинъ на предупрежденіе и просьбу Черняева не трогаться съ мѣста до его возвращенія, скомандовалъ: „садись!“ и отрядъ тронулся, перешли мостъ, у котораго прикрытія не оставили, а спѣшно двинулись впередъ по мѣстности, обросшей лѣсками, закрывавшими отъ взора мѣстность въ даль. Пройдя значительное разстояніе, увидѣли на рѣкѣ возвращающагося Черняева, на-

торый, увидѣвъ ѣдущій отрядъ не мало изумился! Что вы сдѣлали, г. полковникъ? спрашиваетъ Черняевъ. Отчего меня не подождали? Впередъ идти не только невозможно, но дай Богъ, чтобы отрядъ успѣлъ благополучно отступить! Какъ отступить? Мы безсмертные гусары и будемъ отступать, никогда! возражаетъ ему Карамзинъ. „Впередъ!“ командуетъ полковникъ. Вышли на открытую поляну и въ взорамъ открылись густыя колонны турецкой кавалеріи, въ нѣсколько разъ превышающія отрядъ Карамзина. Начала дѣйствовать артиллерія, но въ это время непріятель обходитъ фланги и угрожаетъ прикрытію артиллеріи, идетъ въ атаку нашъ эскадронъ, не выдерживаетъ, посылаютъ въ подкрѣпленіе другой, но превышающая масса турокъ атаковала нашъ отрядъ съ фронта и фланговъ, отрядъ не выдерживаетъ, припужденъ въ безпорядкѣ отступить и скопляется съ артиллеріей у моста, который уже былъ занятъ турками, вотъ здѣсь и произошло что-то невозможное, все столпилось въ безпорядкѣ и начала спасаться въ одиночку и въ этомъ хаосѣ четыре нашихъ орудія остались въ рукахъ турокъ. Вотъ что мы слышали отъ очевидцевъ: командующій отрядомъ Карамзинъ за свое увлеченіе въ этомъ несчастномъ дѣлѣ заплатилъ своею жизнью.

Простоялъ нашъ полкъ въ Слатинѣ до 6-го іюня, выступилъ опять въ окрестности Бухареста, а 22-го іюня двинулся къ г. Журжѣ и присоединился къ отряду, стоявшему въ Журжѣ подъ командой генераль-лейтенанта Соймонова.

Въ это время наши войска, обложивъ крѣпость Силистрію, собирались штурмовать эту крѣпость, къ штурму все уже было готово, предвидѣлся полный успѣхъ, но, какъ оказалось, злой рокъ и г-жа политика не переставали насъ преслѣдовать, въ самый моментъ предполагаемаго штурма Силистрію оставили, а потому пока наши войска изъ-подъ Силистріи могли бы подойти на такое растояніе, чтобы имѣть необходимую связь съ остальными отрядами, весьма важно было во что бы то ни стало удержать турокъ подъ Руцукомъ, лежащимъ напротивъ г. Журжи, и препятствовать имъ совершить переправу чрезъ Дунай, не удержи Соймоновъ турокъ подъ Руцукомъ они могли принести намъ не мало бѣдъ, такъ какъ отряды еще не успѣли стянуться для безопаснаго слѣдованія обратно въ русскіе предѣлы.

Несомнѣнно, турки хорошо были освѣдомлены о положеніи нашихъ отрядовъ и сознавали, что въ данный моментъ Журжа представляетъ для насъ весьма важный стратегическій пунктъ, а потому стянули подъ Руцукъ около 30 тысячъ войскъ.

Задача для Соймонова была нелегкая, тѣмъ болѣе, что отрядъ его былъ малочисленный, состоялъ онъ, кажется, изъ двухъ или трехъ пѣхотныхъ полковъ, незначительное число казаковъ и подошедшій нашъ Бугскій уланскій полкъ, однимъ словомъ, турецкія войска превышали нашъ отрядъ почти въ три раза, независимо этого возвышенный берегъ Рущука обстрѣливалъ свободно лежащіе между Рущукомъ и Журжей острова.

Недоходя до Журжи на разстояніи 12-ти верстъ, 24-го іюня нашъ полкъ остановился на ночлегъ въ какомъ-то селѣ, рано утромъ 25-го слышимъ непрерывную орудійную пальбу, по тревогѣ полкъ выступилъ къ Журжѣ, гдѣ уже происходило сраженіе и было въ полномъ разгарѣ. Турецкія войска подъ прикрытіемъ батарей переправились на вышеуказанные острова гдѣ, собственно и происходило сраженіе, наша пѣхота стойко держалась. Турки безпрестанно подвозили пароходами подкрѣпленія, орудійная и ружейная пальба положительно была похожа на выбиваемую дробь на барабанѣ, нашъ полкъ къ крайнему нашему огорченію стоялъ въ бездѣйствіи, острова, гдѣ происходило сраженіе, представляли изъ себя плавни, густо заросшіе камышемъ, совершенно неудобные для кавалерійскихъ атакъ.

Такимъ образомъ слѣзши съ лошадей, держа коней въ поводу, стоимъ на берегу Дуная, только слушаемъ гулъ орудій, возлѣ насъ стояла конная полубатарея, видимъ: подѣзжаетъ Балахская повозка, съ которой спрыгнулъ генералъ въ папахѣ, подбѣжалъ къ стоящей артиллеріи, командовалъ: „артиллерія за мной!“. Она двинулась за генераломъ рысью на островъ и скрылась, въ это время одинъ изъ турецкихъ пароходовъ подходилъ къ острову съ десантомъ; артиллерійскіе залпы не допустили высадки, подходившій пароходъ слѣшно ретировался; впоследствии мы узнали, что этотъ храбрый генералъ былъ Хрулевъ.

Спустя немного времени командуютъ 2 дивизіону, командиромъ коего былъ подполковникъ Бакаевъ, садятся я на рысяхъ ведутъ его на островъ, но оказалось, какъ я объяснилъ раньше, дѣйствовать противъ непріятеля кавалеріи въ плавни немисливо, а потому дивизіонъ возвратился обратно. Раздается команда: „садиться всему полку“, ведутъ насъ на рысяхъ съ праваго на лѣвый флангъ по берегу Дуная, въ одномъ мѣстѣ прожужжали ядра, проходили мимо перевязочнаго пункта; Боже! что тамъ происходило! Какая масса раненыхъ, при чемъ я замѣтилъ, какъ много людей расходуется на уборку раненыхъ, если раненый

настоящее время представляет изъ себя, въ отрядѣ, весьма важную особу и занимаетъ великое положеніе, стоитъ ему только пустить ракету и весь отрядъ подымется. Хотите! Я вамъ докажу. „А завтра попадете подъ судъ“.—отвѣчаемъ ему.—„Ну, ужъ тамъ, что будетъ, а если захочу, то подыму весь отрядъ“. Спустя немного времени эта важная особа изъ великаго перешла въ лежачье положеніе—что-то бредила и затѣмъ къ нашему удивленію, наша надежда на спокойствіе отряда заснула, благо при ней состоялъ унтеръ-офицеръ, который несомнѣнно въ случаѣ надобности исполнилъ бы обязанности, крѣпко уснувшаго, офицера.

Къ нашему отряду прибылъ главнокомандующій князь Горчаковъ; 4 іюля произвелъ усиленную рекогносцировку для обозрѣнія непріятельскихъ позицій—между Журжей и Слободзеей; затѣмъ 15 іюля отрядъ двинулся къ рѣкѣ Пруту, а 24 августа нашъ полкъ переправился у селенія Вадулай-Исакчи и вступилъ въ Бессарабію.

Грустно и больно было думать о нашей полторагодовой безцѣльной кампаніи, но тѣмъ не менѣе воротиться въ отечество имѣло свою прелесть. когда мы перешли Прутъ и вступили въ предѣлы Россіи, то я слѣзъ съ лошади и поцѣловалъ землю горячо любимаго своего отечества.

На другой же день, 29 іюля, нашъ полкъ двинулся къ Дунаю, переправившись у крѣпости Исакчи, вступилъ въ Бабадагскую область, она же Добруджа, въ то время эта область почти сплошь была населена малороссами и великоруссами, преимущественно старовѣрами; пробыли въ этой области до 18 сентября, затѣмъ возвратились въ Бессарабію и въ окрестности гор. Болграда стали на зимнія квартиры. Полгода назадъ я былъ представленъ къ производству.—меня произвели въ 1-й чинъ корнета, не знаю, почему это производство запоздало, наконецъ въ половинѣ октября получается приказъ о производствѣ меня съ 20 сентября; хотя къ этому производству я былъ подготовленъ, но тѣмъ не менѣе былъ весьма обрадованъ, что наконецъ превратился изъ нижняго чина въ офицерское званіе. Дорогие и добрые товарищи сердечно поздравили меня, нашлось и шампанское, такъ что церемонія поздравленія вышла по всеѣмъ правиламъ.

По возвращеніи полка въ Бессарабію, я подумывалъ, какъ бы это устроить, чтобы хотя на нѣсколько дней съѣздить домой: вѣдь для этого всего нужно сдѣлать каняхъ-нибудь 300 верстъ. Бывши еще юнкеромъ, я не рѣшался объ этомъ хлопотать, но когда меня произвели и вслѣдствіе этого нужно было обмундироваться, а также приобрести упряжныхъ лошадей съ повозкою.

то эти причины какъ бы давали мнѣ право рѣшиться просить на нѣсколько дней отпускъ. Съ этой мыслью я отправился въ штабъ полка къ полковому командиру. Добрый полковникъ Гестферъ сперва помялся, но тѣмъ не менѣе неофициально разрѣшилъ мнѣ отлучиться на два недѣли. Такъ какъ я намѣренъ былъ взять изъ имѣнія пару лошадей и повозку, то для этого взялъ съ собой денщика и съ восторгомъ отправился домой; на навятой повводѣ до гор. Аккермана, тамъ переправился черезъ Дыѣстровскій лиманъ, оттуда въ Одессу и Николаевъ, изъ Николаева прямо въ имѣніе, гдѣ засталъ родителей и сестру Варешку; два брата Спирядонъ и Аванасій были въ Севастополѣ въ Гардемаринской ротѣ, другіе же два меньшихъ брата Егоръ и Николай въ корпусѣ.

Внезапный и неожиданный мой пріѣздъ произвелъ въ домѣ сенсацію — восторговъ и радостей не было конца, бѣдные родители радовались моему пріѣзду и въ то же время горевала объ двухъ сыновьяхъ, которые были въ Севастополѣ. „Ну, для чего этихъ дѣтей оставили въ Севастополѣ, говорила добрая матушка, какую могутъ они принести тамъ пользу!“ — Говоря это, она не знала, что этихъ дѣтей гардемариновъ водили на батарею и что изъ нихъ были раненые.

Когда смертельно ранили начальника штаба Черноморскаго флота адмирала Корнилова, то послѣднія его предсмертныя слова были: „немедленно отправить гардемариновъ въ Николаевъ“.

Пробывъ съ родными нѣсколько дней, взялъ съ имѣнія пару лошадей, повозку и отправился въ полкъ, гдѣ и зажилъ на собственномъ хозяйствѣ.

Наши стоянки въ Бессарабіи часто мѣнялись, на зимнія квартиры полкъ нашъ прибылъ въ окрестности гор. Кишинева, и въ этомъ городѣ помѣстился штабъ полка.

Офицеры часто требовались въ штабъ полка въ Кишиневъ, для занятія карауловъ, но въ виду того, что стоянка эскадрона, въ которомъ я состоялъ, была близъ Кишинева, то я и безъ этого требованія довольно часто посѣщалъ Кишиневъ; товарищъ мой корнетъ Александри, бессарабскій помѣщикъ, имѣлъ родныхъ въ Кишиневѣ, съ которыми меня познакомилъ, а черезъ нихъ познакомился и въ другихъ домахъ, гдѣ и проводилъ время съ большимъ удовольствіемъ. Въ ту зиму въ Кишиневѣ вслѣдствіе присутствія военныхъ: уланъ, гусаръ и другихъ было шумно и весело, вечера и балы не прекращались, послѣ двухлѣтняго странствованія и походно-военной жизни веселились мы на славу, не обошлось, разумѣется, безъ того, чтобы

въ корпусѣ снабдили, какъ тогда говорили, теплой одеждой и отправили на родину. Съѣздялъ въ имѣніе, гдѣ особенныхъ безпорядковъ не замѣтилъ, но тѣмъ не менѣе усмотрѣлъ, что строгаго хозяйскаго глаза нѣтъ, а потому въ то же время предвидѣлъ, что мнѣ, какъ старшему въ семьѣ, долго служить не придется.

Въ то время уже шло дѣло иъ миру, нѣкоторыя части нашихъ войскъ возвращались изъ Крыма, проходили чрезъ Херсонъ, переправляясь черезъ Днѣпръ изъ Алешекъ Таврической губерніи, нашъ же полкъ оставался еще въ Кишиневѣ, куда я по прошествіи моего кратковременнаго отпуска отправился.

Черезъ нѣсколько времени по моемъ прибытіи, нашъ полкъ двинули форсированнымъ маршемъ въ Подольскую губернію на берега Днѣстра. Мы уже думали, что не съ австрійцами ли что набудь будетъ, но оказалось, что наше назначеніе было не пропускать черезъ Днѣстръ двинувшихся массами помѣщичьихъ крестьянъ изъ Херсонской и Екатеринославской губерній.

Оказалось, что помѣщичьи крестьяне Херсонской и Екатеринославской губерній массами двинулись къ Днѣпру чтобы, перейти въ Таврію, между ними пронесся нелѣпый слухъ, что у моста черезъ Днѣпръ стоитъ зеленая палатка, въ которой ожидаетъ ихъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который объявляетъ крестьянамъ волю и раздаетъ грамоты на землю и что, если кто либо изъ крестьянъ не явится, то такого припечатываютъ; при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ курьезовъ: собираются крестьяне, приходятъ къ своему помѣщику, у котораго спрашиваютъ, что имъ дѣлать? что вышелъ указъ всѣмъ имъ идти въ Таврію, жаль намъ васъ, говорятъ крестьяне, вы намъ были добрый панъ, а треба идти; какъ ни увѣрялъ ихъ помѣщикъ, что это все пустые, нелѣпые слухи, но ничего не помогло. Отвѣчаютъ: „Кажуть якъ не идемо, то усихъ прапечатаютъ“, на другой день все село двинулось.

Были и такіе случаи: крестьяне уходятъ, за ними ѣдетъ помѣщикъ, очень дружно продолжаютъ путь, затѣмъ крестьяне спрашиваютъ помѣщика, — якъ же воно буде, пане, тамъ въ Тавріа? „И тамъ я буду съ вами“, отвѣчаетъ помѣщикъ. „Гмъ! чешутъ затылокъ крестьяне; по этому дѣлу выходить що мы и тамъ будемъ ваши?“ — *А то чьи?* Опять чешутъ затылокъ, затѣмъ одинъ изъ коноводовъ командуетъ: „хлопцы, вертаемся назадъ“, и такимъ образомъ возвращаются обратно.

Принятія правительствомъ эвергичныя мѣры остановили движеніе, все крестьяне возвратились, насколько помню, по записанной нашимъ полкомъ линіи попытокъ движенія крестьянъ черезъ Днѣстръ не было.

Считаю нужнымъ упомянуть, что въ нашемъ имѣніи и вообще въ Херсонскомъ уѣздѣ было совершенно покойно.

Въ Подольской губерніи нашъ полкъ простоялъ до осени, затѣмъ возвратился на прежнія стоянки въ военныхъ поселеніяхъ Ново-Бугскаго округа.

Еще въ Кишеневѣ нашъ полковой командиръ Гестферъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и назначенъ командиромъ бригады, полкъ сдать вновь назначенному командиромъ полковнику Штанельбергу; командиромъ бригады послѣ генерала Комара былъ у насъ генералъ Коаловскій, впоследствии командиръ пѣхотной дивизіи.

Командиромъ Нассаускимъ уланскимъ полкомъ былъ полковникъ Радекъ, Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ графъ Алопеусъ, Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ полковникъ Сальковъ.

Командирами дивизионовъ нашего полка были: 1-го полковникъ Оприца, 2-го подполковникъ Бакаевъ, 3-го полковникъ Блюмъ и 4-й полковникъ Ржонсницкій.

Командиры эскадроновъ были ротмистры: 1-го Лишинъ, 2-го Григорьевъ, 3-го Редягъ, 4-го Роговскій, 5-го Жалинскій, 6-го Эрбергъ, 7-го князь Жеваховъ принялъ отъ раненаго Сокольскаго и 8-го Рузв.

Въ этомъ году Александрійскій и Ахтырскій гусарскіе полки были отчислены отъ нашей 5-й дивизіи, а вмѣсто ихъ поступили въ нашу дивизию Веймарскій и Лейхтенбергскій гусарскіе полки.

Въ февралѣ мѣсницѣ 1857 года неожиданно я получилъ извѣстіе о смерти въ Петербургѣ нашего двоюроднаго дяди, тайнаго совѣтника Анаасія Анаасьевича Гунаропуло, бывшаго губернатора Бѣлостокской области, послѣ котораго осталось значительное состояніе, къ которому мы совместно съ другими семьями нашихъ родныхъ дядей являлись наследниками, а потому для предьявленія правъ нашей семьи и утвержденія въ правахъ наследства я немедленно отправился въ С.-Петербургъ.

М. Гунаропуло.